

Юлия
ЧЕТВЕРГОВА

Там, где Гром,
всегда будет буря

ГРОМ

в моём сердце

18+

Юлия Четвергова
Гром в моем сердце
Серия «(Не)сносные мажоры», книга 2

<https://litres.ru/73136373>

SelfPub; 2026

Аннотация

КНИГА ВЫШЛА В ПЕЧАТЬ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ АСТ ПОД
НАЗВАНИЕМ

"ГРОМЧЕ, ЧЕМ ЧУВСТВА"

Когда-то Гром был моим другом детства.

Теперь он зазнавшийся мажор и мой самый худший кошмар.

Кошмар, который решил вернуться в родные края с одной единственной целью: заполучить мою сестру любой ценой.

Грязным шантажом Гром вынуждает помочь ему вернуть Лолу.

А потом целует меня на глазах у сестры, разрушив этим не только мою жизнь, но и то, что осталось от нашей дружбы...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

108

Юлия Четвергова

Гром в моем сердце

Глава 1

Я поправляю нелепую юбку с рюшами и короткий белый топ под фартуком. Вздыхаю, но ничего не могу поделать – униформа требует жертв.

А лучше бы требовала полицию моды.

– Заказ готов, – кричат с кухни, и я бегу, чтобы отнести его за десятый столик.

Песок под ногами раскалился до предела, но я уже не обращаю внимания – привыкла за два месяца работы в пляжном кафе. И даже в какой-то мере наслаждаюсь тем, как жар пронизывает все тело от стоп до самой макушки.

– Прошу, приятного аппетита и чудесного отдыха, – желаю гостям, красиво расставив все блюда на деревянном столике, который расположен у береговой линии.

Парни, сделавшие заказ, как на подбор – все красавчики. Высокие, загорелые, подтянутые. В аляпистых рубашках и свободных шортах. Один из них привлекает мое внимание тем, что похож на старого знакомого, но я быстро отвожу взгляд, прижимаю к груди поднос и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Даже если это и вправду Гром, вряд ли он оценит попытку

заговорить с ним. Иначе не избегал бы меня почти два года, делая вид, что мы незнакомы.

– Ника? – прилетает в спину рокочущий бас.

Я до рези в глазах хочу остановиться и обернуться, потому что соскучилась, но...

Мысленно посылаю Олега к черту и стремительно уношу ноги. И только оказавшись внутри кафе, сделанного в карибском стиле, позволяю себе на мгновение остановиться и перевести дух.

– Вероника, прими заказ у второго столика, – торопит меня админ, намекая, что скоро вечер и сейчас не самое подходящее время, чтобы расслабляться.

Смена обычно длится до полуночи, так что я работаю не покладая рук до самого закрытия.

К десятому столику я больше не подходила – они ничего не заказывали и просили их не беспокоить. А когда все же набралась смелости проверить, показалось мне или нет, обнаружила пустой стол и пару крупных купюр под одним из пивных бокалов.

Ну, хотя бы щедрые чаевые оставили...

Возможно, это и к лучшему. Скорей всего, мне просто солнце голову напекло, а знакомый голос, произносящий мое имя, – слышался.

Конец рабочего дня я не люблю больше всего. Вместо того чтобы выдохнуть, переодеться и уйти домой, приходится относить всю грязную посуду обратно на кухню, а после

усердно драить столики под бдительным надзором строгого админа.

Из кафе я выхожу далеко за полночь. Полная луна, повисшая в небе серебряным диском, освещает мне путь. Даже фонарик включать не надо. Ночная прохлада и легкий морской ветерок освежают голову после трудного дня, поэтому я иду не спеша, в полной мере наслаждаясь прогулкой.

А потом и вовсе решаю остановиться.

Первым делом разубаюсь. Стелю на песок вязаную сумку, и усаживаюсь на неё так, чтобы волны омывали босые ноги. Кладу подбородок на колени и задумчиво смотрю на гладь воды, поблескивающую в лунном свете.

Интересно, почему Гром решил резко оборвать все связи? Почему ни разу не ответил на мои сообщения, хотя я столько раз писала ему. Спрашивала, как дела и как ему живется в новом городе?

Зазнался? Или между нами, по сути, никогда и не было настоящей дружбы?

А может, я вообще себе все придумала и он общался со мной только ради сестры? А когда в этом отпала необходимость – перестал?

– Привет, Веснушка.

До меня не сразу доходит, что мне не послышалось. Я несколько раз моргаю, приходя в себя, и лишь после оборачиваюсь.

Чтобы рассмотреть долговязого кудрявого парня, кото-

рый сидел за десятым столиком и который так сильно был похож на моего друга детства, Олега Громова, приходится сильно задрать голову.

– Завтра град пойдет. Сам Гром объявился в нашей чихуановке, да еще и изъявил желание пообщаться, – флегматичным голосом констатирую я.

Парень неловко чешет макушку, улыбаясь той самой дурацкой улыбкой, которая меня всегда бесила, и присаживается рядом. Виновато пялится из-под модной кучерявой челки, отчего-то не торопясь заверять меня в том, что очень рад встрече и скучал.

Я нагло рассматриваю Грома в ответ. Его зеленые глаза в свете луны отливают ртутью и кажутся темными, но это всего лишь оптическая иллюзия – или игра моего творческого воображения, ведь я точно знаю, что они цвета мха.

– Прости, Ника, я идиот, – только и выдает он.

И это спустя столько лет!

– Тоже мне новость, – фыркаю я и отвожу взгляд.

Море сейчас интереснее, чем встреча со старым другом, который ни минуты не ценил нашу дружбу, как оказалось. А я достаточно себя уважаю, чтобы не купиться на этот трюк второй раз. Использовать меня в своих корыстных целях у него больше не получится.

Мы молчим. И это молчание, как и раньше, не напрягает. Что бесит, естественно. Комфорт – последнее, что я хочу испытывать рядом с зазнавшимся мажором после столь под-

лого поступка с его стороны.

Раздумья над тем, что завтра не хочется на работу и что пора уже начинать пробовать зарабатывать рисованием, помогают абстрагироваться и забыть о том, что мое уединение нарушено. Но Олег вдруг пихает меня плечом, отвлекая от мыслей и напоминая о своей наглой персоне.

– Как смотришь на то, чтобы завтра прийти на репетицию? Вспомним былые времена...

Я цокаю языком и хмурюсь.

– Пardon, но я на тебя слюнями не истекаю. Так что оставь эти приемчики для своих поклонниц.

– Так ты же бро. – Он снова пихает меня плечом. – Хочу поболтать. Столько всего произошло за два года. Да и, признаться, не ожидал увидеть тебя в кафешке. Значит, сама судьба велела.

Я отсаживаюсь чуть дальше, чтобы между нашими телами было хоть какое-то расстояние.

– Неинтересно, – лениво отмахиваюсь от его предложения.

– Однако ты до сих пор не ушла. Хотя с твоим характером уже бы давно послала.

– Мысленно – раз сто, – хмыкаю я.

– Заслужил, – признает парень. – Город меняет людей.

– Ага, если они изначально были гнилые, – парирую я, давая небольшое ностальгическое удовольствие, возникающее от нашего диалога.

Признаться, я по нему скучала. И сильно. Первый год его «предательства» дался мне очень тяжело. Со временем, конечно, смирилась. Вот только, судя по своей реакции сейчас, не до конца. И это нужно исправлять как можно скорее, ибо чревато. Я отходчивая, и некоторые люди не стесняются этим пользоваться.

– Ника...

– Ладно, мне пора. Завтра снова батрачить. – Поднимаюсь, отряхивая сумку от песка и тем самым показывая, что разговор завершен и дружеского воссоединения не будет. – Была рада повидаться. Желаю тебе хорошенько отдохнуть, набраться сил, а после торжественно вернуться в свой город и дальше обо мне не вспоминать.

Вообще-то, я не планировала говорить последнюю фразу. Все вышло как-то само собой. То ли меня гложет обида, то ли незакрытый гештальт, как это модно сейчас говорить... Но слова уже не вернешь обратно. Так что и жалеть не стоит.

– Ника, мне нужна помощь, – вдруг заявляет он поникшим голосом, и мое жалостливое сердце вынуждает остановиться и хотя бы дослушать до конца. Но уже после следующей фразы я жалею, что это сделала. – Мы с Лолой расстались, а я все никак не могу выбросить ее из головы.

– У вас больные отношения, давно пора прекратить всю эту историю с качельками, – зло припечатываю я. Угасшие некогда чувства вновь всплывают откуда-то из глубины души, но я безжалостно заталкиваю их обратно. И беру себя

в руки, возвращая голосу нейтральный тон. – У нее новый парень. Не советую влезать в их отношения. Это будет по меньшей мере некрасиво.

– Вот как... – тянет Олег и замолкает, уставившись вдаль.

Драма квин, твою налево! Еще бы, как в пятнадцать, воткнул наушники в уши и включил постхардкор, чтобы пострадать.

– Повзрослей уже, наконец. И научись принимать чужой выбор, сделанный без твоего согласия. Не только же тебе так можно поступать...

Я прикусываю язык.

Во мне говорит мстительная безжалостность, но сдерживать ее уже нет сил. Хочется ужалить его побольнее. Так же больно, как было мне, когда он в одностороннем порядке оборвал все связи и замолчал на несколько лет.

– Я все равно хочу вернуть ее, – упрямо заявляет друг детства и я ловлю себя на том, что хочу его пристукнуть чем-нибудь тяжелым.

Упрямый осел! Нравится жрать кактус, как небезызвестные мыши? Рэд флаг ему в руки и талончик на посещение психолога. А я – пас!

– Тогда желаю удачи, – саркастично отвечаю я и ухожу.

Точнее пытаюсь, потому что Олег меня быстро нагоняет и преграждает дорогу. Его глаза лихорадочно блестят, когда он вцепляется в мои предплечья.

– погоди, Веснушка. У меня в запасе есть один весомый

аргумент, который убедит тебя помочь старому другу залечить сердечные раны.

Меня слегка напрягает тон Грома и эта безуминка во взгляде, но я не подаю вида. Да и всем моим вниманием уже в следующую секунду завладевает близость его тела и то, как сильно он вымахал.

Почти на две головы выше меня! Только эта кринжовая серьга в ухе портит все впечатление... И разве у него всегда была такая скуластая морда лица?

– Поверь, ничто не убедит меня согласиться на эту авантюру. – Демонстративно одним указательным пальчиком упираюсь в его накаченную грудь и давлую, жирно намекая, чтобы он отодвинулся и прекратил нарушать мое личное пространство.

Парень в ответ на мою фразу нехорошо так улыбается и меня внезапно посещает мысль, что человек-то мог за два года очень сильно измениться. И скорей всего, в плохую сторону, а я тут даже не парюсь, оставшись с ним наедине.

– А как насчет...

– Отодвинься, – перебиваю его, изображая крайнюю степень недовольства.

Изображая, потому что предательское сердце никак не хочет умолкнуть, радостно трепыхаясь от долгожданной встречи.

– Не волнуйся, Веснушка, ты же не море. Да и когда тебя вообще волновала моя близость? – криво ухмыляется Гром и

кладет руку мне на плечи, притягивая к себе, как какого-нибудь «братана».

Если бы ты только знал, Олег...

А вслух возмущаюсь:

– Эй! Да ты совсем обнаглел там в своем городе, что ли?

– Я был таким всегда.

– Что-то не припомню.

– Значит, плохая у тебя память, Веснушка.

– Прекрати меня так называть и отпусти, наконец! – Вырываюсь из его нежеланных объятий.

– Ладно, давай с козырей, раз не хочешь мириться по-хорошему.

Парень склоняет лохматую голову, и из его взгляда исчезает всякий намек на дурашливость. Я даже начинаю сомневаться, была ли она вовсе, или я сама себе все додумала.

– Знай, что я очень не хотел этого делать, но ты меня вынудила...

Я даже дышать перестаю на пару секунд, ожидая, что он скажет. Но нутром уже заранее чувствую – мне это не понравится.

Однако я и представить себе не могла масштабы того, насколько подлым и гадким стал Олег Громов.

– Короче, ты помогаешь мне вернуть Лолу, а взамен я обещаю, что Алла Сергеевна никогда не узнает, чем ее дочь занималась на выпускном...

Глава 2

Я беспокоюсь ворочаюсь в кровати, не в силах уснуть. Горло душат слезы обиды, и я ложусь на спину, чтобы хоть немного расправить тиски, сжимающие грудь.

Как он мог шантажировать меня такими грязными и постыдными вещами? Это точно больше не тот Гром, которого я знала.

Но... черт! Если кто-нибудь в нашем маленьком городке об этом узнает, пойдут ужасные слухи. Моей матери и без того было тяжело растить двух дочерей одной. Что про нее только не говорили тогда... И «нагуляла», и «влезла в чужую семью, а теперь пожинает плоды», и «так ей и надо». Не говоря уже о том, как ее называли за глаза.

Да... Люди в провинциальных городах ужасны.

Вот только, в отличие от Лолы, моей старшей сестры-близняшки, выбраться из нашей дыры мне так и не удалось. Мозгов не хватило, как однажды в сердцах бросила мама, увидев результаты тестов на зачисление в престижный институт.

Я не винила ее за те слова. Она всегда считала, что я занимаюсь ерундой. В чем я и сама убедилась, но много позже.

«Все эти порисовки не помогут тебе заработать на жизнь! Не занимайся ерундой, а больше учись!» – чуть ли не каждый день повторяла мама, но я ее не слушала.

Однако все случилось так, как она и говорила.

Чтобы поступить в институт культуры и искусств, нужен

был скилл повыше, чем рисование на уровне любителя. Для этого необходимо было ходить в художку, а лишних денег у нас никогда не водилось.

В итоге я пролетела по всем фронтам: не поступила туда, куда мечтала, и, по очевидным причинам, не покорила мажорский универ, как Лола. Поэтому роль умницы, красавицы и гордости семьи досталась моей близняшке.

Видимо, по праву первенства распределяются мозги, удача и красота. А младшим – по остатку.

К слову, с Громом было так же...

Несмотря на то что мы с Лолой близняшки, похожи не были никогда. Во-первых, разнаяйцевые, а во-вторых, характером полярные, как небо и земля. Как огонь и лед. Я – рыжая и синеглазая, с веснушками по всему телу. А она – блондинка (пусть и крашеная) с холодными голубыми глазами и чистой, белоснежной кожей.

Я всегда проигрывала на фоне утонченной, умной и слегка стервозной сестры. Поэтому, конечно, в старшей школе Олег заметил не меня, а ее. Я была влюблена в него по уши, а он или не знал об этом, или просто делал вид, что не знает, четко распределив границы нашей дружбы. Да и, глядя на то, как сам Громов истекает слюной на мою сестру, я уже тогда понимала, что мне ничего не светит.

Но... однажды я все же совершила глупость. И теперь она мне аукнулась.

– Черт! – выпаливаю в сердцах, ударяя ладонью по матра-

су.

Я что, перед рождением поставила все на везение и проиграла?

Стискиваю челюсть, чтобы не зареветь от жалости к себе. По-хорошему нужно идти спать, завтра, а точнее, уже сегодня, рабочая смена, и она будет не легче вчерашней. А если я еще и пореву перед этим, то можно спокойно вешаться. Или (что реальнее) увольняться.

Уснуть мне удалось лишь на рассвете. Кажется, что только моргнула, а противный будильник уже решил испортить и без того плохое начало дня. Нащупав телефон, не глядя вырубаю его и поворачиваюсь на другой бок, чтобы доспать законные десять минут.

– Вероника! Ну как можно не слышать орущий будильник?

Я разлепляю один глаз, хватаю смарт с тумбочки и смотрю на время. И только потом на маму, стоящую в дверном проеме и недовольно поглядывающую в мою сторону.

– Черт! – вырывается у меня, в который раз за последние несколько часов.

– Проспала?

– Угу, – обреченно стону, пытаюсь стереть с глаз остатки сна.

Выходит хреново.

– Чайник еще горячий. Тосты с джемом на столе. Если совсем не успеваешь, возьми с собой, перекусишь на ходу. –

Мама подходит ко мне, целует в макушку и вздыхает, словно смирившись с тем, что я никогда не буду, как моя сестра. Целеустремленной и пунктуальной. – Ладно, давай поднимайся. Только, пожалуйста, не разбуди сестру. Пусть как следует отдохнет на каникулах. Все, я побежала на работу.

Ее взгляд помогает проснуться окончательно.

Не стоило мне беречь старые раны ночью... Теперь запахать это чувство обратно будет сложно.

Натянув топ на тонких лямках, едва прикрывающий пушок, и короткие шорты, которые я обычно всегда ношу под юбкой униформы, подхожу к зеркалу. Оттуда на меня смотрит рыжее лохматое чудовище с курносом носом и слишком пухлыми губами. А еще глубокими синяками под глазами, отдающими чернотой в утреннем свете.

– Да уж, красавица, – шепчу своему отражению и иду в ванную.

Покончив с гигиеническими процедурами, хватаю со стола тост и на ходу отправляю его в рот. Активно работая челюстями, запиваю свой скромный завтрак водой, потому что времени делать чай у меня нет.

Уже на выходе из дома сталкиваюсь с Лолой. Недавно проснувшейся, судя по широкому зевку, но выглядящей так, словно она вышла из салона красоты. Учитывая, что на лице у нее ни грамма макияжа, на затылке – кривой пучок, и она просто умылась.

И нет, я не завидую.

Наверное...

– Не разбудила? – бросаю ей, спешно накидывая на плечи легкую кофточку, чтобы и без того конопатые плечи не сгорели.

– Да нет, – отмахивается сестра, опираясь плечом о стену, и скрещивает руки на груди. – Ни-и-ик... – тянет она многозначительно, и я поднимаю взгляд, отрываясь от шнурования кед. – Тебе не надоело работать за троих на этой неблагодарной работе и получать копейки?

Я растерянно замираю, потому что не ожидала подобного вопроса.

– Маме тяжело одной. А так хоть какие-то дополнительные деньги.

Я встаю, то и дело нажимая кнопку блокировки экрана и подглядывая на время. Но штраф уже влепят, так что ничего страшного, если я приду на пять или десять минут позже.

– Почему спрашиваешь? – уточняю я, когда не слышу продолжения внезапно начавшегося разговора.

Лола поджигает губы. Так, будто не хотела говорить, но я сама вынудила ее произнести это вслух.

– Ты не думала вместо работы в кафе сесть за учебники и еще раз попытаться поступить в универ?

И без того плохое настроение становится совсем мрачным.

– Думаешь, мама потянет нас обеих? Ей и так тяжело оплачивать тебе съемную квартиру в городе. Она почти все

до копейки отдает, чтобы еще и продуктами тебя обеспечить, лишь бы только училась и не подрабатывала.

Сестра округляет глаза, словно впервые обо всем этом слышит, а я намеренно, пусть и не напрямую, оскорбила ее. На красивом лице застывает обиженное выражение. В голубых глазах мелькает осуждение.

– Зачем ты так? Я ведь просто хотела, чтобы мы вместе отучились и потом обеспечили маме достойную старость, работая на престижной и высокооплачиваемой работе, – тихо говорит она и уходит на кухню, оставляя меня наедине с тем осадком, что остался после этого неуместного разговора.

Глава 3

В конце смены на телефон приходит сообщение с неизвестного номера. Но по тексту становится понятно, что это не кто иной, как Гром, решивший продолжить террор.

«Хай, Веснушка! Сутки истекли! Молчание – знак согласия, ведь да? Я на базе, если чо. Не опаздывай. Нам нужно много чего обсудить. Да и тебе поспать после работы не мешает. Или сон для слабаков? ;) В общем, жду с нетерпением! Твой Г.», – и в конце кринжовый смайлик с поцелуйчиком.

Твой «Г.»...

Я бы написала ему в ответ, кто он на эту же букву, но не стану.

«А, и пожрать чегохвати, мы с ребятами голодные... За бабки не парься, я тебе переведу с чаевыми, куда ска-

жесть», — приходит следом.

— Вот же ж! — вырывается вслух. — Бездельник! Сразу видно, что заняться нечем! Нормальные люди ночью спят!

Топать на «базу», как он выразился, да еще и после смены, по ощущениям подобно смерти. Но ничего не попишешь... Он и так дал мне сутки на раздумья. Знал, гад, что соглашусь, выбора-то все равно нет, но решил поиграть в хорошего мальчика. Хотя на самом деле Гром никогда таковым не являлся. Бэд бой — вот это про него.

Но... мало кто знает, что со «своими» он бывает милашкой. И когда-то я входила в этот близкий круг доверенных лиц. Жаль, компромата не насобирила за все время. Дурочка влюбленная. Было бы чем сейчас апеллировать.

До базы добираться за двадцать минут. Спускаюсь по лестнице в подвальное помещение и уже отсюда слышу, как гремит барабанная установка. Как невпопад лабает басист, а на фоне этого в разнобой играют ритм и соло-гитары.

Раньше мне здесь очень нравилось. Я любила проводить время с группой Грома. По ночам до дыр заслушивала песни, которые он сочинял. И не пропускала ни одной их репетиции.

А теперь испытываю дикое желание поскорее уйти отсюда.

В помещении накурено. Парни гогочут. Кругом валяются пустые бутылки из-под пива. На единственном протертом диване ютятся две незнакомые мне девчонки, на вид едва

достигшие совершеннолетия, и с благоговением прячутся на главную «звезду» собравшегося здесь квартета.

Неужели когда-то я выглядела также?

Морщю нос в отвращении.

Какой кринж... И как мне раньше могло это все нравиться? Или я попросту не замечала подобные... «мелочи»?

– Веснушка! – слишком радостно выкрикивает Гром, едва завидев меня, застывшую в проходе. Убирает соло-гитару в сторону и в подвале становится одним отвратительным звуком меньше. – А ты вовремя! Зацени новую песню.

Олег одет в белую футболку с нечитаемой надписью по центру. Поверх нее наброшена стильная и дорогая даже на вид кожанка, гремющая фурнитурой при ходьбе. Узкие черные джинсы с дырками по всей длине и цепью, свисающей сбоку, вызывают у меня покерфэйс, но я не могу не признать, что весь образ дико ему идет.

Громов подходит вплотную, обвивает плечи своей лапой, снова бесцеремонно вторгаясь в личные границы. И, похоже, его абсолютно не парит, что я думаю по этому поводу.

Или он не привык, что его общество может быть нежелательным...

– *Кто же спасет тебя,*

Если монстр внутри меня

Снова одержит верх,

*И подтолкнет на грех?*¹

Гром напевает строчки из своей песни невероятно мелодичным голосом, а закончив, ждет моей оценки. Фанатки тихо визжат, растекаясь лужицами по дивану. Парни из группы переговариваются, кивая в нашу сторону. И ржут, стараясь спрятать улыбки.

М-да... не песня, а «шедевр». В стиле «Demon inside».

Взгляд невольно прилепляется к девчонкам, влюбленным в Громова по уши, и ответ приходит сам собой:

– У них спроси, – киваю в сторону юных поклонниц гаражного рока, – если не хочешь, чтобы твоя самооценка пострадала.

По подвалу разносится протяжное «у-у-у» в исполнении участников «Demon inside», которые прекрасно все расслышали.

– Попустила!

– Молодца!

– Смело!

Кудряшка-фронтмен и вокалист по совместительству мрачнеет. На скуластую морду набегают тени. Но я не даю ему перехватить инициативу в разговоре. Чревато.

– Я здесь по делу. Ты хотел видеть меня на репе? Я пришла. И вот ваша еда, – всучиваю парню тяжелый пакет. Тот перехватывает его на автомате, пытаясь допереть, как же по-

¹ Слова песни Грома написаны автором книги.

смели возразить не абы кому, а *ему!* – Не забывай, *почему* я здесь. Это не дружеская встреча. – Многозначительно смотрю в его по-кошачьи зеленые глаза. – Поэтому выкладывай, что у тебя там, и давай скорее с этим покончим. Я устала и хочу спать.

– Нет уж, Веснушка. Ты, наверное, кое-чего не понимаешь, – очень тихо басит Олег, так чтобы слышала только я. – Или мне напомнить, чем грозит твоё непослушание?

От его слов и голоса, пробирающего до мурашек, в животе все сжимается. Но показывать, что у него получилось меня запугать, я не собираюсь.

– Может, это мне напомнить, что я – твой последний шанс? – так же тихо шиплю в ответ. После чего скидываю его руку с плеч и отхожу на шаг, незаметно переводя дыхание. – Жду тебя снаружи.

И покидаю подвал так, будто за мной гонятся все демоны ада.

– Что за сцены? – раздаётся за спиной.

А ведь я даже дух перевести не успела! Он что, за мной следом рванул?

– Какой привет, такой ответ.

– Ты меня перед пацанами унизила.

Я кривлюсь, скрещивая руки на груди.

– Ой, только не начинай, а? Тебе давно не пятнадцать, чтобы высасывать драму из пальца.

– Ты изменилась, – вдруг выдает он, глядя на меня так,

словно видит впервые.

Я иронично хмыкаю.

– Не даю сесть себе на шею и свесить ножки? О да! Я больше никому не позволю использовать себя в своих интересах.

Гром нехорошо щурится.

– Мне позволишь, – уверенно произносит он, нависнув надо мной черной тучей. – Уже...

Я отхожу на шаг назад, зачем-то оглядываясь по сторонам. Олег это замечает и выпрямляется, чтобы немного уменьшить угрожающий посыл, что несла в себе его предыдущая поза.

– Ты слишком много о себе возомнил, – набираю полную грудь воздуха, стараясь говорить так, чтобы мой голос не дрожал от обиды. – Если хочешь вернуть Лолу, говори, что тебе нужно. И давай не будем трепать друг другу нервы, портя все хорошее, что между нами было.

– Хорошо, – как-то слишком быстро соглашается парень. – Устрой нам встречу, но так, чтобы это выглядело максимально естественно. Она не должна заподозрить, что ты в этом как-то замешана.

– И что ты предлагаешь для этого сделать? Устроить ей танец с бубном и сказать, что мне приснился одинокий плачущий Олег Громов? И что ей срочно нужно к нему, если она не хочет, чтобы... А, собственно, чтобы – что?

– Я думал, твоя фантазия безгранична. – Он скептически выгибает бровь. – Ты же художник.

– Во-первых, я не художник, а во-вторых, я не выспалась и устала, как собака, чтобы в принципе думать! – Агрюсь, испытывая крайнюю степень бешенства.

– Ладно-ладно, расслабься, Веснушка. – Сдается парень, чуя, что запахло жареным. – Я уже обо всем позаботился. Держи.

Гром протягивает мне два билета в единственный элитный клуб нашего городка. Это сразу видно по красиво оформленным флаерам и огромной надписи на них. Другой «Богемы» в этих окрестностях попросту нет.

– Ты серьезно? – Я ошалело смотрю на него. – Они же... Эти два пропуска стоят, как моя месячная зарплата! Я не могу их принять.

Парень вскидывает брови, открывает рот и пару минут стоит так, глядя на меня, как на ненормальную.

– Оу-кэй... Считай билетики платой за хавчик. Да и это *мне* нужно вернуть Лолу. Так что я буду башлять за все подобные подставы, привыкай. И если тебя это успокоит, приглашения достались мне на халяву, как фронтмену группы.

От его вдохновенных речей меня аж перекорежило.

– В смысле – «все подобные подставы»? В смысле – «привыкай»?! Я думала, ты с первого раза управишься!

Мысль о том, что мне не единожды придется быть личным «оруженосцем» Грома и подготавливать все к его эффектно-му появлению, вызывает ужас.

– Ты же знаешь, какая Лола... – Он делает паузу, подбирая

приличное слово. – Вредная. Придется попотеть, Веснушка, – скалится парень. И столько в этой ухмылке энтузиазма, что становится тошно.

– Знаешь, я буду молиться, чтобы карма хорошенько так прихлопнула тебя в самом конце! За все мои страдания! – шиплю разъяренной кошкой.

– Чего такая злая? ПМС? Или у Лоло научилась? Плохой пример, фу! Выплюнь каку!

– Если она так тебе не нравится, зачем возвращаешь? – настораживаюсь я, заглядывая в холодные глаза Грома.

– Сердцу не прикажешь. – Об его улыбку можно порезаться. – И давай это, без лишних вопросов. Сама сказала, что друг другу в душу не лезем. У нас с тобой чисто деловые отношения. Ты помогаешь мне, а я держу наш маленький грязный секрет в тайне. —

Пока пытаюсь осознать сказанное, оскал мажора становится откровенно злодейским.

– Завтра отдашь приглашение Лоле, она точно клюнет. Любит все пафосное и дорогое. А ты сама смотри, хочешь – приходи, хочешь – нет, – разводит руками.

– Подкараулишь ее там?

– Ага, после выступления нашей группы.

– Ну и отлично, духу моего там не будет. Деньги за еду гони, – машу ладонью.

Олег хитро щурит глаза:

– Я же расплатился дорогушими флаерами. Шутка, – до-

бавляет, заведя мой взгляд. – По номеру телефона?

Я киваю, дожидаясь, пока придет оповещение о денежном переводе и, не прощаясь, разворачиваюсь, чтобы уйти.

На улице прохладно. Фонари светят через один. Обычно я хожу другой дорогой. Безопасной. Идти по этой стремно, но деваться некуда. Тратить деньги на такси неохота.

– Проводить? – доносится ехидный голос дьявола во плоти.

– Сама дойду. Не хочу видеть твою рожу лишний раз, *бро*, – выкрикиваю в ответ, выделяя последнее слово, и показываю Грому фак, чтобы хоть немного отвести душу.

Глава 4

Лола сидит на кухне и пьет чай, переписываясь с кем-то в телефоне, когда я захожу домой и по глупости решаю сделать себе какао. Нарываться на кого-то из домочадцев в мои планы не входило.

Сестра отрывается от переписки и оглядывает меня с ног до головы внимательным взглядом. Но, прежде чем заговорить, демонстративно смотрит на часы, висящие на стене.

– Ты всегда так поздно возвращаешься?

– Угу, – бросаю без особого энтузиазма и достаю контейнер с какао-порошком. Наливаю молоко в стакан и ставлю в микроволновку разогреваться.

Разговаривать с сестрой не хочется. Я половину дороги бежала со всех ног, потому что заметила, что кто-то идет за мной следом. Благо, преследователь не решился на то, что

планировал сделать. Или же человек попросту шел домой, а паранойя сыграла со мной злую шутку...

Больше никогда не пойду на поводу у Грома, чем бы он там ни шантажировал! Пусть сам ищет меня по всему городу, тем более посреди ночи! Я ему не девочка на побегушках.

Вся буря эмоций отражается на моем лице, когда я поворачиваюсь к Лоло и скрещиваю руки на груди. Видя мой настрой, она поджимает губы и решает воздержаться от продолжения нашего диалога.

– Что? – помогаю ей решиться..

Все равно ведь скажет. Не сейчас, так потом.

– Мама переживала. Ник, она уже не молодая. Зачем каждый раз заставлять ее нервничать? Возьми смены покороче.

– Кто тогда будет оплачивать все твои прихоти? Или ты думаешь, что маме лишние деньги с неба валяются? И вообще... Ты бы лучше сама ей помогла и на подработку устроилась, а не бездельничала все лето, как та стрекоза.

Кульминацией моей тирады становится пищащая микроволновка, оповещающая, что молоко нагрелось до нужной температуры. Вот только закипело тут не оно, а я.

Рот сестры вытягивается буквой «О», но я не собираюсь больше ничего слушать. Разворачиваюсь и ухожу к себе в комнату, так и не сделав желанное какао, которое помогает мне заснуть в подобные нервные дни.

Опасения, что я опять проворочаюсь всю ночь, не оправдываются. Как только голова касается подушки, я вырубаясь

юсь, и просыпаюсь только после обеда следующего дня.

У меня выходной, поэтому еще около часа я тупо валяюсь в постели и деградирую, листая соцсети. Но урчащий от голода желудок твердо стоит на своем. Приходится подняться с кровати и пойти на кухню, надеясь, что дома никого не окажется.

Однако моим мечтам не суждено сбыться. Кухню снова оккупирует Лола. На этот раз она грызет чипсы и смотрит небольшой телик, стоящий на полке.

Я молча прохожу мимо нее. Меня до сих пор колошматит после наших последних двух диалогов. Вот только помириться с ней все равно придется. Нужно отдать билеты, которые мне всучил Гром.

Обречённо вздохнув, готовлю «завтрак» на двоих и настраиваю себя на меланхолический лад.

Но сестра удивляет, когда первой идет на контакт:

– Я всю ночь думала над твоими словами, и, знаешь, наверное, ты права, – с трудом произносит Лоло, продолжая смотреть какой-то нелепый ситком. – Но во мне нет ничего выдающегося, кроме внешности и умения учиться. С таким раскладом у меня две дороги: либо отучиться по профессии и работать в этой сфере, либо найти богатого мужа и слать деньги семье. Пока, как видишь, с первым проблемы, ведь я все еще учусь. А со вторым... – Она разводит руками, грустно улыбаясь. – Я пыталась.

– Ты про Олега? – интересуюсь я, делая вид, что не злюсь

от ее слов еще больше.

Просто... Безвыходных ситуаций не бывает! Она нашла себе приличное оправдание и цепляется за него.

– Не только... – уклончиво отвечает Лола, намекая на тот случай, когда она изменила Громову с его другом, Никитой Резниковым. Просто потому, что тот был птицей более высокого полета.

Но мажорчик Резников оказался не лыком шит и быстро раскусил ее план, узнав, что Лола в тайне бегала обратно к Олегу... Короче, там такая мутная и неприятная история, что даже думать об этом отвратительно.

Говорю же, больные у них отношения! А Лола сама не знает, чего хочет.

– Так, может, нужно было просто выбрать одного и в чужую койку не лезть? Зачем понадобилось ссорить хороших друзей? Гром и Резников теперь постоянно, как кошка с собакой!

– Можешь осуждать меня, сколько влезет, тебе все равно не понять, – фыркает сестра и отодвигает тарелку, которую я поставила перед ней. Резко поднимается из-за стола и уносится к себе в комнату, прямо как я ночью.

Вот и помирилась, блин... Кто меня вообще за язык тянул? Мое дело было маленькое – притвориться, что все хорошо, и всучить Лоло флаер. Она бы обрадовалась до небес и убежала выбирать платье, забыв о разногласиях, корни которых уходят в далекое детство.

Да, мы никогда не дружили с сестрой, и это угнетает меня по сей день. Но ничего не изменишь. Наверное... Слишком уж мы разные.

Вяло пережевывая свой поздний «завтрак», подпираю рукой щеку. Смотрю на злосчастные билеты на концерт в «Богеме». Нога под столом трясется из-за подавленной пассивной агрессии, и я понимаю, что больше так не может продолжаться. Все-таки мы семья.

Стучу перед тем как войти в комнату Лоло. А когда она не отвечает, просто захожу.

– Я не разрешала входить, – огрызается она, вынимая наушники.

Заметив, что у нее красные глаза, я вдруг теряюсь.

– Ты плакала?

– Тебе какое дело?

– Прости, – тихо говорю я и сажусь на край кровати. – Я не хотела тебя обидеть. Ты же знаешь, что у нас разный взгляд на многие вещи. – Пытаюсь улыбнуться, но выходит фигово.

– Извинения приняты, а теперь оставь меня одну, пожалуйста. Не хочу никого видеть, – хрипло произносит сестра, и после этого я ощущаю, как вина начинает обглаживать мой мозг.

– Ты все еще любишь его? – Слова даются мне с трудом. Я будто проталкиваю их через слишком узкое отверстие.

Чувства ревности и обиды от того, что выбрали не меня, все еще скребут по старым ранам. А те саднят, наверняка

отражаясь на моем лице.

– Люблю, Ник... И жалею, что поступила так глупо, выбрав деньги, а не чувства, – признается она очень тихо. По ее щеке катится одинокая слеза, которую Лола тут же стирает. – Но все уже в прошлом. Год прошел... Пора жить дальше. – Она пытается улыбнуться, совсем как я недавно. И у нее это получается с большим успехом, нежели у меня.

– Знаешь, а может, еще не все потеряно? – Я кладу руку сестре на голень и утешающе поглаживаю. – Смотри, что вчера откопала.

Жестом фокусника достаю из кармана два немного помятых флаера. Сестра осторожно берет один из них, но я протягиваю ей и второй.

– Держи, сходишь с кем-нибудь.

– «Богема»?! – пораженно выдыхает Лоло и недоверчиво смотрит на меня. – Откуда, Ника?

– А ты думаешь, чего я допоздна в кафешке околачиваюсь? Хотела сходить вместе, но в последний момент передумала.

Да... Потому что не желаю весь вечер наблюдать за тем, как Гром пускает слюни на Лолу, ведь до сих пор где-то глубоко внутри хочу, чтобы он смотрел так на меня...

Поэтому ноги моей не будет на концерте «Demon inside»!

– Это из-за нашей ссоры? – Сестра делает бровки домиком, в то время как на ее лице отражается неподдельное сожаление.

– Нет... просто... Я работаю в этот день.

Врать нехорошо, но ведь это во благо, верно? Олег и Лола до сих пор любят друг друга, так пусть мирятся и больше не допускают ошибок прошлого. Буду держать кулачки за их счастливое будущее.

– Попроси кого-нибудь тебя подменить.

Сестра предлагает очевидный вариант. Но не в этот раз.

– Некому. А те, кто могут, будут в «Богеме», – ухмыляюсь я.

– Ника...

– Все в порядке. Я не горю желанием туда идти.

– Тогда перепродай их! – Она сует билеты обратно мне в руки.

– Лола! Не обесценивай мой труд и желание помириться. – Я сжимаю ее руку в ладонях. – Позови подружку, надень самое красивое платье и туфли – и вперед, навстречу мечтам! А вот это было искренне и от всей души.

Все получится! Правда же? Ну вот что может пойти не так?

Глава 5

Гром 23:44

«Ты дома?»

Я протираю глаза, дабы убедиться, что сообщение от «Г» мне не привиделось.

Veronika777 23:44

«А что?»

Гром 23:44

«Значит, дома. Твои спят?»

Veronika777 23:45

«Если ты о Лоло, то она у подружки. Мама спит»

Гром 23:45

«Открывай окно, Веснушка :) Грядет Гром!!!»

– Чего? – вырывается вслух.

До того как я успеваю повернуться, раздается противный скрежет. Олег, изображая кошака по весне, скребется «лапкой» и корчит умоляющую моську, мол, пусти.

Я кринжую, испытывая нечто среднее между волнением и стыдом. Ладошки потеют, потому что выгляжу, мягко говоря, по-домашнему: на мне растянутая и в некоторых местах дырявая футболка времен мезозоя, которая едва прикрывает задницу, а на голове вообще черт-те что.

– Ну писец! – цежу сквозь зубы, поднимаясь с кровати.

Парень же, напротив, выглядит так, словно только что со съёмок на пляже вернулся. На нем белая льняная рубашка нараспашку, демонстрирующая идеальный рельефный пресс, и белые шорты чуть выше колен. В ночи он похож на пятно алебастровой краски, которую случайно пролили на черный холст.

В руках появляется привычный зуд, когда хочется достать кисть и краски и нарисовать то, что я вижу. То, что понравилось. Эстет внутри меня растекается лужицей оттого, насколько красив этот демонюка.

Но вместо того, чтобы поддаться порыву, я открываю окно.

– Вот не зря тебе дали кличку «Гром» – вечно портишь чье-то ясное небо! Что опять случилось? – Я облакачиваюсь о подоконник, перегораживая путь в свою комнату.

А то знаю я этого оболтуса... Залезет и глазом не моргнет.

– Веснушка, а Веснушка? Давай мириться? – Олег щурится, повторяя мою позу, и кладет голову на сложенные перед собой руки, скалясь белозубым ртом. Его рост позволяет проверить подобный трюк, учитывая, что домик у нас старый, одноэтажный и низенький.

Пока парень гипнотизирует меня взглядом снизу вверх, я пытаюсь справиться с непонятно откуда взявшимся волнением.

– А мы разве ругались? – Я выгибаю бровь и делаю невозможное лицо.

– Ну ты и лиса, Ника, – цокает он и резко подается вперед, бодая меня лбом, как в детстве. – Давай мириться! – Уже не спрашивает, протягивая мизинец.

– Олег, с тобой все в порядке? Психиатра когда в последний раз проходил? Отставания в развитии не наблюдали? – Я закатываю глаза, потирая легкий ушиб. А сама почему-то улыбаюсь.

– Да хорош, Веснушка! – Он строит густые брови домиком и хлопает до ужаса длинными черными ресницами. Любая девка обзавидуется! – Я скучал. Хочу время с тобой прове-

сти, как раньше. Помнишь, как всю ночь болтали? Как на гитаре пытался тебя научить играть, а ты все никак руку правильно поставить не могла? А?

В нем столько энтузиазма, что даже становится жаль обламывать парня. Но надо. Годы игнора стереть простым «а помнишь?» не получится.

– Говори, зачем пришел, – прохладно обрубаю его, склоняя голову набок.

Но внутри все буквально горит, обжигая грудь, а сердце пытается выпрыгнуть навстречу этому предателю. Даже за дыханием приходится следить, дабы не выдать себя.

– Я же сказал, мириться. Поболтать. Вспомнить былое. Да и позавчера чутка борщанул. Считай, что я так пытаюсь извиниться. – Кудрявая башка бывшего друга пропадает на мгновение из вида, а потом выныривает обратно с целым пакетом разных вкусняшек. – Это взятка, чтобы задобрить, – снова лыбится прохиндей.

Бросаю короткий взгляд в сторону пакета и замечаю, что там все, что я люблю: фрукты, натуральные соки, шоколадки и даже киндер-сюрприз.

Точно демонюка! Нафига сразу с козырей ходить?!

– Ты думаешь, что пакет с продуктами перекроет два года игнора?

– Я же говорил, дурак...

– Ты просто корыстная сволочь, Гром, а не дурак. Тебе опять от меня что-то нужно, вот ты без мыла в ж... и лезешь

туда, куда не нужно!

Олег ржет с моей запинки и качает головой.

– Веснушка, ну ты же не злобная. Давай дружить. Я не хочу, чтобы ты меня ненавидела или игнорила. Злись, обзывай... Да что хочешь испытывать, кроме этих двух эмоций!

– Раньше думать надо было. Хоть бы раз объяснил, написал, почему хочешь прекратить общение! – Сквозь плотину невозмутимости прорвалось то, что я очень давно хотела ему сказать. – Сказал бы, что нужно время подумать, или тебе так проще – не общаться! Я бы все поняла...

Голос дрожит, и я обрываю себя, чтобы не зареветь от обиды, как маленькая девчонка.

– Ника, прости, я не знал, что тебе было так тяжело. Думал, забудешь, и дело с концом... Я не планировал возвращаться. – С его лица слетает любой намек на веселье. Гром становится хмурым, и я вдруг в полной мере осознаю, что до этого он отыгрывал роль весельчака.

Что мешает ему отыгрывать роль друга, который сожалеет о том, что сделал?

Ничего...

– Забирай свой пакет и шуруй домой, Гром. – Я отворачиваюсь, чтобы он не видел мое выражение. – И больше не приходи. Билеты на твой концерт я отдала, так что жди свою Лолу, скоро снова будете вместе.

Полминуты я стою, не шевелясь, думая, что он уйдет. Но шуршание, крик и мягкое приземление чужих ног в бе-

лых кроссах на мой ковер вынуждает обернуться.

– Ты что творишь? – шиплю змеей и выталкиваю его обратно. – Мама может проснуться в любой момент!

– Ни разу такого не было. – Он изображает из себя скалу, которую фиг с места сдвинешь. – Сколько вместе ночевали...

– Не напоминай! – Я с силой жмурюсь, желая забыть о том, какой дурой была раньше.

– Веснушка, Алла Сергеевна так упакивается всегда, что спит, как медведь в зимней спячке. Вот если я тут репетицию перед концертом замучу, тогда еще ладно. А так... – он говорит в полголоса, но мне все равно стремно.

Не дай бог, мама увидит меня с парнем в комнате...

Легко, будто мое давление на идеальный пресс никак на него не влияет, Гром ставит пакет на рабочий стол и оглядывает комнату.

– Все по-старому. Будто никуда не уезжал, – выносит вердикт.

Поняв, что бесполезно выпихивать эту тушу в окно, тяжело вздыхаю и приземляю пятую точку на кровать. Взгляд падает на мои голые ноги и...

Твою налево!!! Я же в одних трусах!

Здрав голову, вижу, что парень тоже обратил внимание на мой прикид.

– А ты секси, Веснушка. – Олег корчит рожу знатока и оценщика женской красоты, прикладывая ладонь к подбородку.

родку.

Ну еще бы... Представляю, сколько девушек было у него в постели...

Так, погодите! Он сказал, что я секси?!

Лицо начинает пылать. Да так, что никакая темнота и никакие веснушки не спасут ситуацию.

– Тебе бы немного имидж сменить, да причесываться чаще...

– Оставь мою внешность в покое, придурок! – Да. Лучшая защита – это нападение. – Как хочу, так и выгляжу!

Он в ответ пожимает плечами.

– Просто дружеский совет.

Козел!

Но вслух ничего не говорю, пытаюсь незаметно натянуть край футболки на колени.

Олег, зная чуть ли не наизусть планировку моей комнаты, вышагивает по кругу. С ностальгическим выражением рассматривает рисунки над рабочим столом. Мини-кактус на книжной полке. И ту самую гитару, пылящуюся в углу, на которой когда-то он учил меня играть.

Проводя пальцами по корешкам книг, половину из которых мы читали вместе, Гром замирает, заметив рядом с ними то, чего там не было раньше. А когда я вспоминаю *что*, то хочется спрятаться под кровать.

Боже, да за что мне все это?!

– Я уже и забыл об этой фотке, – очень тихо произносит

он, беря в руки белоснежную рамочку с фотографией, на которой нам по пятнадцать и мы с ним стоим в обнимку с улыбками от уха до уха.

Фото делала мама. Два года назад я обнаружила ее в папке «фрэнды», когда чистила наш старенький комп. И не смогла удержаться. Распечатала и поставила на полку.

Зачем? Понятия не имею. Просто так было легче.

Я не прятала рамку от Лолы. Она прекрасно знала, что мы с Громом просто друзья и кем-то бóльшим никогда не станем. Да и домой сестра приезжала редко. Ко мне почти не заходила. Вот я и...

Резко вскочив с кровати и уже не заботясь о том, увидит Гром мои трусы или нет, подхожу к парню вплотную и отбираю у него рамку. Которая тут же отправляется в мусорку, стоящую под столом.

– Забыла выкинуть. Все никак руки не доходили. Спасибо, что напомнил, – ехидно улыбаюсь я, отряхивая ладони, словно от чего-то грязного и пыльного.

Олег застывает, как своей фамилией пораженный, и вылупляется на меня, открыв рот. Секундное замешательство внезапно перерастает в непонятную мне злость. На его лицо набегают тени, а брови сходятся на переносице.

– И кого ты пытаешься обмануть, меня или себя? – бросает он с несвойственной ему злостью. В два шага преодолевая расстояние между нами, нависает, окутывая своим запахом. Дерево, цитрус и корица. Кажется, что этот аромат навсегда

запечатлелся на подкорке. – Что за детская обида? Я думал, мы давно выросли из...

Гром замолкает. Его взгляд палит что-то за моей спиной и, резко подавшись вперед, он хватается это «что-то» со стола. При этом на его лице расплывается о-очень неприятная ухмылочка, когда он выпрямляется. Я же с опаской поворачиваю голову и смотрю на то, что в его руках.

А разглядев обложку личного дневника, понимаю, что пропала...

Глава 6

– Что тут у нас? – заинтересованно тянет мажор, отскакивая от меня в сторону.

Я же с ужасом смотрю на то, как Олег быстро листает страницы, на которых сокрыто практически все, о чем я когда-либо думала.

Еще никогда в жизни Штирлиц не был так близко к провалу... И даже то, что произошло между мной и Громом на выпускном, не идет ни в какое сравнение с тем, что он может узнать обо мне прямо сейчас.

Надо что-то сделать...

Но я стою как вкопанная и не могу заставить себя сдвинуться с места. Пытаюсь успокоить сердце, колотящееся где-то в области горла, и молюсь, чтобы парень просто пролистал все те страницы, на которых описаны мои чувства к нему.

Нет, лучше сделать вид, что мне все равно. Своей реакцией я могу сделать только хуже. Это подобно охотничьему

инстинкту. Стоит показать малейшую слабость, повернуться спиной, побежать – и все, ты станешь жертвой. А такие, как Громов, тонко улавливают эмоции и быстро соображают, за что можно ухватиться и чем воспользоваться.

Поэтому я собираю всю силу воли в кулак, протягиваю руку вперед и спокойно прошу:

– Отдай. Это личное.

– Зачем тогда на виду держишь? – задает резонный вопрос.

Вообще, я прекрасно понимаю, что такие вещи нужно хорошо прятать или вообще сжигать по прошествии лет. Но творческий Плюшкин внутри меня и мысль «мне это надо» убедили доводом, что кроме как бумаге, я больше никому не могу доверить свои размышления, боль и чувства. Вот и берегла блокнот, как память.

А еще как варп² во времени, с помощью которого можно заново пережить дорогие сердцу дни.

– Кто знал, что ты вломишься ко мне домой и начнешь совать свой нос в чужое нижнее белье? – Я скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть невозмутимо.

Гром скептически хмыкает, внимательно вглядываясь в мое лицо. Проверяя, боюсь ли я, что он может найти что-то интересное в личном дневнике.

И почему я раньше не замечала, какая он мразота?

Как много всего начинаешь подмечать только с возрас-

² Перемещение (молодежный сленг).

том...

– Да не парься ты, выглядишь так, словно вот-вот пар из ушей пойдет, – он игриво подмигивает мне и протягивает блокнот обратно. – Держи. Я не такой подлый, как тебе могло показаться, – говорит он, будто отвечая на мои недавние мысли. – А вот дразнить тебя, Веснушка, – всегда отдельный вид удовольствия. – Олег скалится и тычет указательным пальцем в кончик моего носа.

Запрещая себе думать о том, что я в который раз купилась и доставила мажору удовольствие своей реакцией на его издевки, вырываю дневник у него из руки. Но что-то идет не так и гадкий блокнот (который я обязательно спалю к чертям собачьим!) выскальзывает, падая на пол и раскрываясь примерно на середине.

Гром присаживается, помогая поднять его, но взгляд мажора невольно цепляется за то, что там написано.

– Не читай! – ору громче, чем нужно, и кидаюсь на опережение.

Однако уже поздно. Я вижу это по зеленым глазам парня.

– Ника, ты... – растерянно произносит он, но закончить фразу ему не удастся.

От моих воплей проснулась мама, и ее шаги теперь набатом стучат по нашим ушам.

– Быстро! – панически шепчу я, активно жестикулируя Олегу, чтобы он прятался под кровать.

В шкафу он попросту не поместится, а так хотя бы есть

шанс...

Действуя на опережение, несусь к двери, чтобы перехватить маму в коридоре. Выскочив из комнаты так, словно за мной несутся адские гончие, я чуть не сбиваю родительницу с ног.

– Ника. – Она испуганно округляет глаза и хватается за сердце. – Ты чего кричишь и носишься по дому в два часа ночи?

– Живот прихватило. – Я корчу убедительную рожицу и стремительно несусь в сторону туалета, прижимая к груди многострадальный дневник.

– Ох, дорогая, в аптечке есть все необходимое, – доносится мне в спину. Но я уже закрываю дверь дамской комнаты на замок, опускаю крышку унитаза и усаживаюсь сверху.

Ладони дико влажные и слегка подрагивают. Подушечки пальцев онемели – так сильно я вцепилась в страницы блокнота, не позволяя им закрыться. Желая узнать, что именно Олег успел прочитать.

«...Сегодня Гром впервые обнял меня. Я до сих пор ощущаю прикосновения его рук на своем теле, его дыхание на шее и мурашки, охватившие меня... А его запах! Настоящий восторг! С ума можно сойти! Мне кажется это какой-то мажорский одеколон. Точно услышала корицу и... орех? Нет, наверное, это древесные нотки! И кажется, был цитрус... Словами не описать тот трепет, что меня охватил! Я, наконец, ощутила, что такое „бабочки в животе“... Восторг

неописуемый! Так хочется узнать, каково это – целоваться с самим Олегом Громовым. Какие на вкус его губы. Вот только... Олег никогда не должен узнать, как сильно я люблю его, потому что он встречается с моей сестрой. Я должна засунуть свои чувства подальше и воспринимать его как друга, иначе могу лишиться даже этих счастливых мгновений...»

– Черт! – тихо выдыхаю я. Роняю голову на сложенные руки и с силой зажмуриваюсь. В носу першит от того, что хочется плакать.

Почему именно эта страница?! Почему?.. Что он успел прочитать? Ту самую строчку, выдающую меня с потрохами? Или Гром видел только начало?

– Ника, все хорошо? – спрашивает мама, стучась в дверь.

– Да, не переживай, – хрипло отвечаю ей, сглатывая комок слез, застрявших в горле.

– Я на всякий случай оставила таблетку от живота и стакан воды на столе. Если совсем плохо, обязательно выпей, не мучайся.

– Хорошо, – выдавливаю я, ощущая, как по щекам все-таки катятся злые слезы.

– И температуру померь, – говорит она, прежде чем уйти. – Если до утра не пройдет, буди меня, отвезу в больницу.

– Не переживай, мам, просто что-то не то съела, – шмыгаю я.

– И все равно...

– Ма-ам, – тяну настойчиво и прошу ее: – Отдыхай и ни о чем не волнуйся.

Раздаются удаляющиеся шаги, но перед этим я слышу, как она тяжело вздыхает.

Мне страшно возвращаться в свою комнату, но надо. Еще и в спешке не успела телефон схватить, поэтому сообщением «проваливай, Громов!» не отмажешься.

Да и разве на него может хоть что-то повлиять? Всегда поступает, как ему вздумается...

Дверь спальни открываю с опаской. Глаза, не привыкшие к темноте после света в уборной, выхватывают лишь очертания мебели в комнате. Первым делом смотрю в сторону кровати, но там никого не оказывается. За рабочим столом тоже никто не сидит. И даже рядом с гитарой, стоящей в углу за шкафом, не замечаю никаких силуэтов.

Ушел?

Вздых облегчения вырывается из груди раньше, чем я успеваю подумать. Адреналин, который поддерживал меня все это время, спадает. Тело становится ватным, руки и ноги отнимаются, и я оседаю на ковер.

Отдышавшись и немного успокоившись, первым делом поднимаю взгляд на окно. Ветер колышет тюль, влетая сквозь открытые створки. Но даже это не может быть гарантией того, что Громов не притаился где-нибудь и не выскочит прямо сейчас, пытаясь напугать.

Или затеять разговор на тему того, что он успел прочи-

тать...

С горем пополам заставляю себя встать. Иду к кровати и сажусь на нее, протягивая руку к телефону. Он валяется на одеяле там же, где я его и оставила, прежде чем попробовала прогнать незваного гостя.

Кнопка блокировки подсвечивает экран, и первое, что я вижу – сообщение от Олега. Все во мне противится тому, чтобы я в принципе открывала его. Но убежать вечно не получится, поэтому я бесстрашно смотрю своим страхам в лицо. Прямо здесь и сейчас.

Гром 02:23

«Я не стал рисковать и ушел. Вкусняхи оставил на столе, кушайте с Аллой Сергеевной и Лоло на здоровье :) После „Богемы“ подгоню еще, так что не откладывайте поедание на черный день!»

Гром 02:25

«Не забудь закрыть окно!»

Гром 02:29

«Веснушка, тебе попало от матери? Запалила?»

Гром 02:33

«Как вернешься, напиши, я уже все ногти сгрыз от волнения!»

Гром 02:40

«Вероника Астафьева! Если узнаю, что ты меня игнорируешь, нос откушу, поняла?!»

Гром 02:41

«Раз молчишь, жди завтра в гости с официальным визитом! Лично удостоверюсь, что ты в порядке и что тебе не влетело из-за меня. А если и влетело, то возьму всю вину на себя!» – гласило последнее сообщение в чате.

И как это понимать? Он правда не успел ничего прочитать, и мне просто показалось из-за того, что у страха глаза велики? Или Гром только делает вид, что не в курсах?

Или... он что-то задумал? Недаром же в гости напрашивается!

А может, я вообще попусту себя накручиваю, и ничего страшного не произошло? Вдруг Олег всегда догадывался или знал о моих чувствах к нему? Ему же ничего не мешало косить под дурачка все это время...

Смартфон вибрирует. Я апатично кошусь на светящийся экран.

Гром 02:45

«Ну, сама напросилась, вредина! Жди завтра в гости! Доброй ночи, Веснушка-молчушка!» – и фыркающий смайлик в конце.

Я обреченно вздыхаю, понимая, что поезд под названием «Олег Громов» уже не остановить. Он без тормозов. Так что пойду-ка я лучше выплусь перед завтрашним днем.

Глава 7

Уже в обед жалею, что сегодня не рабочий день.

– Вероника! Поднимай свою ленивую задницу и пошли

полоть грядки! – в третий (или пятый?) раз за последние десять минут тарабанит в дверь ма.

– У меня же выходной! Можно я посплю, а? Пожалуйста! Грядки никуда не денутся до вечера, – канючу я и накрываю голову подушкой, чтобы не зарыдать от обиды и нежелания что-то делать.

Эта неделя вышла слишком тяжелой. В частности из-за Громова, который усложняет и без того нелегкую жизнь обычной провинциалки. То есть меня.

Вот только мама об этом не знает и поэтому...

– Вероника! Сейчас же вставай! Вечером Лола хочет познакомить нас со своим молодым человеком, поэтому грядки нужно прополоть сейчас, чтобы освободить вечер. Да и я хочу пирог с клубникой испечь, так что все равно придется идти на огород.

– Ну так соберите только клубнику, приготовьте свой пирог и устраивайте застолье! Я и одна прекрасно справлюсь с сорняками. Не говоря уже о том, что не горю желанием знакомиться с очередным парнем Лоло, – вырывается у меня, после чего мама открывает дверь и заходит в комнату.

– Сейчас же прекрати. – Она упирает руки в боки. – Мы одна семья и не должны разделяться! Никто не виноват в том, что твоей сестре не везет с мужчинами. Мы должны ее поддержать.

Я молчу, зная то, о чем мама и не догадывается. Однако озвучивать горькую правду не спешу. Вряд ли впечатлитель-

ная и упухающая до изнеможения ма выдержит, узнав всю подноготную своей любимой дочери. Да и я сама буду выглядеть, как стукачка и гадина, которая точит зуб на свою сестру из зависти.

– А меня, мам? Меня кто поддержит? – тихо спрашиваю ее, так и не найдя в себе силы посмотреть ей в глаза.

Пока тереблю в руках край покрывала, в комнате воцаряется тишина. Но она обманчива, потому что я буквально кожей чувствую, как густеет воздух, а пространство начинает искрить.

Сейчас начнется...

– Я пашу ради вас с утра до ночи! Практически без выходных! Все, лишь бы вы ни в чем не нуждались. Меня хоть раз кто-то пожалел? Кто-то подумал обо мне? Твоя сестра поступила в такой престижный университет! Получила путевку в жизнь! У нее одной будет достойная профессия!

– И поэтому мы должны загубить свои жизни ради ее благополучия? – выкрикиваю я, перебив мать. От злости даже решаюсь посмотреть ей в лицо. – Сколько можно? Лола то, Лола се! Мы с тобой тоже люди! И если бы она была поужимистее, то никому из нас двоих не пришлось бы работать без продыху!

– Ника... что ты такое говоришь... – опешивает она, хватаясь за сердце.

Я вскакиваю с кровати и встаю напротив мамы, скрещая руки на груди.

Подгоняемая накопившейся за последние года усталостью и хроническим недосыпом, выкрикиваю, давя в себе слезы обиды:

– Тебе давно пора снять пелену с глаз! Она не такая хорошая, какой ты ееставляешь! А мы не ее рабы! Пусть тоже на подработку устроится, чем валяться в кровати целыми днями да с подругами шлаться по барам день через день!

Мама сглатывает, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. В глазах, которые так похожи на мои, мелькает привычное мне разочарование.

– Надо было лучше тебя воспитывать, – сурово бросает она, прежде чем уйти из комнаты. Но я все равно слышу то, что ма бурчит себе под нос уже в коридоре: – Сама виновата, Алла. Вот была бы пострже...

Обида клокочет в груди, и я оседаю на пол, чувствуя себя совсем обессиленной.

Жалею ли я о своих словах? Да. Но только потому, что от них никакого толку. Себе только хуже сделала и все. Теперь мама еще и обижаться будет дня два как минимум.

Дверь осталась открытой, поэтому я не сразу замечаю третье действующее лицо во всем этом спектакле.

– Не думала, что в тебе столько яда, Ника, – качая головой, произносит Лола. Она стоит в дверном проеме, скрестив руки на груди.

Больше ничего не говоря, сестра уходит вслед за мамой, посылая мне напоследок взгляд полный снисходительного

пренебрежения.

– Да чтоб вас всех! – кричу им вдогонку и стучу кулаком об пол.

Хочется убежать. Хочется напиться. Хочется сделать что угодно, лишь бы быть отсюда подальше.

Но идти мне некуда. А у алкогольного опьянения бывают ужасные последствия, о которых потом пишут в сводках криминальных новостей. Так что после получасового втыкания в стену я поднимаюсь и иду умываться, чтобы отправиться в огород.

Грядки сами себя не прополют, а если я профилюню, совесть сожрет меня с потрохами. Да и терпеть потом тяжелый взгляд матери в спину и вынужденно извиняться – такое себе. Уж лучше уничтожение сорняков под аккомпанемент угрюмого молчания.

Так и происходит. Часы улетают, а под ногтями скапливается все больше грязи. Лола работает в перчатках, чтобы не испортить маникюр и кривится после каждой вырванной травинки. Мама же работает быстрее всех и уходит пораньше с лукошком клубники.

– Я тоже пойду, помогу испечь пирог, – через пять минут вслед за ней поднимается и Лола, бросая мне свои перчатки. Я, будучи не на шутку взвинченной, смотрю на них испепеляющим взглядом.

Бросила, как собаке кость...

Закусив губу чуть ли не до крови, заставляю себя молчать,

хотя на языке вертится столько невысказанных слов и претензий. Оправданных и справедливых.

Но, наверное, только для меня, если судить по реакции родственников.

Вдруг вспоминая о том, что вечером нагрянет Гром, усмехаюсь. Злорадно и с некоторым предвкушением.

Поднимая ехидный взгляд на сестру, едко произношу:

– Удачи вам, вечер обещает быть... занятым.

– Что ты имеешь в виду? – настораживается она, выковыривая землю из-под ногтя указательного пальца.

– Да так, – пожимаю плечами и продолжаю выдирать сорняки, но с бóльшим энтузиазмом.

Лола уходит, периодически бросая хмурый взгляд в мою сторону. А я, оставшись, наконец, одна, усаживаюсь прямо на сложенную рядом стопку травы и с облегчением выдыхаю. И лишь теперь осознаю, как сильно была напряжена все это время.

Солнце потихоньку начинает клониться к горизонту, смягчая палящую жару, когда я заканчиваю полоть свои грядки и те, что должна была полоть сестра. Монотонная работа всегда успокаивала меня, и этот раз не становится исключением.

Смахивая крупные капли пота со лба, поправляю кепку на голове и, шурясь, смотрю в сторону калитки. Там уже стоит наш сегодняшний гость с охапкой цветов в руках. Но, к сожалению, это не Олег, а Антон, которого Лола использует

как временное утешение, пока сама страдает по Грому.

Сестра первой вылетает из дома. На ее лице улыбка, волосы уложены красивыми волнами кудрей, сияющих в свете закатного солнца белым золотом. Она открывает калитку и бросается парню на шею. Тот ловко обхватывает ее худенькое тельце и кружит, несмотря на то, что ромашкам тут же становится плохо и часть из них осыпается белыми лепестками на траву.

Антон – хороший парень. Это знают все. Высокий, статный. С пшеничными коротко стриженными волосами и светло-кариими глазами. Чуть ли не каждый день он посещает качалку и является первым парнем на деревне. Он красивый, но, как это обычно бывает, необразованный и увлекающийся лишь спортивным питанием да девушками.

Вот только Лолу это не волнует. Она привыкла играть сердцами других, пока ей это необходимо, а затем безжалостно разбивать их, когда надоест. И если бы Антон был чуточку сообразительнее и смотрел выше уровня откровенного выреза в платье моей старшей сестры, то наверняка бы увидел холодные, как два айсберга, глаза.

Этот роман обречен с самого начала. И дело даже не в том, что очень скоро объявится Громов, внеся свою лепту в предстоящее «ламповое» застолье.

– Ника, бросай грядки, айда к нам! – радостно щебечет Лола и машет мне свободной рукой, провожая Антона в дом.

– Привет, – громко говорит мне «Ивашка-дурашка» и то-

же машет.

На лице парня дружелюбная улыбка, а я ничего не могу с собой поделать и ехидно оскаливаюсь в ответ, потому что слышу, как к дому подъезжает ревущий байк Олега.

А вот и Гром! Шоу начинается!

Глава 8

Красуясь на всю округу, Олег выжимает из своего четырехцилиндрового монстра все лошадиные силы. Черный байк ревет, выписывая задним колесом круги возле нашего низенького забора. Лола, не успевшая зайти в дом, замирает. На ее красивом личике отражаются неподдельный испуг и волнение.

Но вместо того, чтобы посмотреть в сторону калитки, она стреляет глазами в мою сторону, словно ища помощи... или утешения. Во взгляде Лоло застыл немой вопрос, и я безжалостно киваю головой в ответ.

Да, ты не ошиблась, моя дорогая сестренка, это ОН!

Плечи блондинки опускаются, когда она все же оборачивается и видит там парня, одетого в стиле рокеров из двухтысячных: во все черное и кожаное.

Выпендрожник... Со стороны выглядит, как черная клякса на чистом белом холсте. Ничего красивого. Один сплошной зашквар.

Отряхивая руки от земли, поднимаюсь и спокойно иду к дому. Но взвинченная до предела Лола не дает мне пройти.

Схватив меня за запястье, она яростно шипит:

– Это твоих рук дело?!

Я выгибаю бровь.

– Что именно?

– Олег! Ты ведь знала, да? Об этом «веселье» говорила?

Ты позвала его?

Я вырываю свою руку из захвата и, глядя ей прямо в глаза, отвечаю:

– О том, что сегодня нас ждет знакомство с Антоном, я узнала только с утра. А теперь дай пройти. И так настроение не айс.

– Вы друзья, у тебя есть его номер, – настаивает сестра.

– Мы уже давно не друзья.

– Но ты не отрицаешь того факта, что была в курсе про Олега! Специально не предупредила? – Лицо Лолы искажается от гнева и обиды. Она выглядит так, словно вот-вот набросится на меня, поэтому я просто пожимаю плечами и оставляю ее одну на пороге.

Пусть сама разбирается. Да и Гром тоже! Я не собираюсь участвовать в их больных игрищах. Хватит того, что мне придется присутствовать во время этого спектакля.

Бедняга Антон... А ведь он даже не догадывается, что его ждет. Сидит себе за столом, в центре которого красуется клубничный пирог и две вазочки с фруктами, и отвешивает ма комплимент за комплиментом.

Я на время прячусь в ванной. Умываюсь и привожу себя в порядок. В очередной раз плеснув в лицо холодной водой

и взглянув на вихрь рыжих волос, которые теперь напоминают пакли, понимаю, что прятаться здесь до конца вечера не смогу.

Выдыхаю и быстрой тенью скрываюсь у себя в комнате, чтобы переодеться. И если поначалу слышны только голоса ма и Антона, то чуть позже к ним присоединяются Лола и Гром. Но разобрать, о чем они говорят, я не могу.

Неспешно натягивая домашний спортивный костюм, оглядываю себя в зеркале. И кривлюсь.

Нет, что-то не то... Не хватает еще одной детали, чтобы завершить образ «как мне начхать на все это показушное собрание».

Собираю волосы в хаотичный пучок и приторно улыбаюсь своему веснушчатому отражению.

Вот так! Съем кусочек пирога, чтобы не сидеть голодной, и откланяюсь.

Так я думаю до того, как захожу на кухню. Но как только переступаю порог, начинается необъяснимая вакханалия. Будто своим приходом я непреднамеренно запустила ситком под названием «шизофрения».

– Веснушка! – Гром подскакивает со стула, улыбается, демонстрируя ровный ряд белых зубов, и сгребает меня в охапку. – Я так скучал, ты просто представить не можешь! – басыт он и подмигивает так, чтобы видела только я.

Но кудряшка терпит оглушительное фиаско. Я уже приняла решение не подыгрывать, поэтому просто киваю, по-

хлопываю парня по спине и прохожу к столу, усаживаясь на ближайший свободный стул.

Атмосфера на кухне, мягко говоря, гнетущая. Сестра выглядит, как неправильно натянутый холст – помятой. Мама хмурится, переводя взгляд с одного парня на другого. Антон будто воды в рот набрал, еще и ногой под столом дергает.

Ляпота!

Пирог до сих пор не тронут, поэтому я с аппетитом вгрызаюсь в первый кусочек.

И слишком громко тяну:

– М-м-м, как вкусно, ма! Пальчики оближешь!

Мои старания сгладить обстановку не оценивают. Один только Олег пытается состряпать хорошую мину при плохой игре и усаживается на соседний стул.

Но оно и понятно. Ему выгодно так себя вести. Гром ведь неспроста явился к нам домой.

– Алла Сергеевна, простите, что я вот так, без приглашения...

– Ну что ты, Олег, в нашем доме тебе всегда рады. – Мама произносит фразу таким тоном, что всем вокруг сразу становится ясно: ему здесь категорически не рады. – Угощайся.

А все из-за Лоло. Она несколько раз приезжала домой зареванная год тому назад во время учебного семестра. И, естественно, делилась с ма подробностями их больной личной жизни. Правда, умалчивая о том, что изменила она Грому первой. И что все пошло наперекосяк как раз по ее ви-

не.

И нет, я не выгораживаю Грома. Это факты.

– Вы, как всегда очень гостеприимны. – Бывший друг детства хватает второй кусочек пирога и чуть ли не целиком запихивает его в рот. Благо не додумывается и дальше болтать с набитыми щеками.

Антон куксится все сильнее, но его можно понять. Олег перетянул все одеяло внимания на себя внезапным появлением и раздражающим поведением экстраверта в полнолуние, и теперь до спортивного блондинчика никому нет дела.

Лола смотрит в свою пустую тарелку. На ее лице постепенно появляется непроницаемая, холодная маска. Но по напряженным рукам можно заметить, что она уже не просто злится, а в бешенстве.

– Вам понравились цветы? – Антон пытается сместить фокус внимания мамы на себя, но получается у него не очень.

– О, они замечательные, спасибо, – бесцветно отвечает она и выдавливает из себя улыбку. – Люблю ромашки.

Маму сейчас больше всего волнует состояние старшей дочери, чем гости. Я вижу, как она переживает, бросая на Лолу взгляды, полные тревоги. При этом выгнать Громова тоже не может. Нет предлога.

Но это пока...

– Я привез вам канноли³ из пекарни на окраине города. Ее владелец – настоящий итальянец. Надеюсь, они вам по-

³ Итальянские пирожные.

нравятся. – Мажор демонстративно ведет себя так, словно Антона вообще не существует. – Если не ошибаюсь, вам всегда нравились гиацинты. Специально искал их, чтобы порадовать вас.

– Вкусы со временем меняются, Олег. Раньше мне нравились гиацинты, а теперь – ромашки. Но все равно спасибо за заботу. – Мама поджигает губы и переводит взгляд на притихшего парня Лолы. – Так, чем ты говоришь, занимают-ся твои родители? – пытается продолжить разговор, который велся до того, как я присоединилась к застолью.

Гром, активно пережевывающий уже третий кусок пирога, нагло и издевательски пялится на Антона с видом «ну, давай, лошок, поведай нам, чем там промышляют твои предки».

– У них своя ферма. Мы разводим животных. – Спорттик неловко чешет блондинистую макушку и смущенно улыбается.

– Да ты че? – вклинивается в их разговор Олег, округляя глаза. – Животинок убиваете, что ли? Лола, он тебе не подходит! – Он категорично разрезает ладонью воздух и неодоб-рительно хмурится. – Ты будешь плакать над каждой свин-кой и барашкой. – Парень цокает языком и качает головой.

– Молодой человек! – возмущенно присмиряет его ма, устав делать вид, что ничего не замечает. – Что за возмути-тельное поведение? Прекрати это немедленно.

Лоло сжимает кулаки и выглядит так, будто вот-вот взо-рвется. Или заплачет.

Там, где Гром, всегда будет буря... Это я уже давно поняла.

И весь этот театр абсурда тому доказательство.

Лола молчит, потому что все еще хочет вернуть отношения с Громовым. Антон считает, что выпендрожник в кожаных штанах просто приперся навестить свою подругу детства, то есть меня. Мама ориентируется на мнение сестры: раз сама пустила бывшего в дом, значит, на то есть причина. Иначе бы давно выгнала Олега взащей, помня, как сильно Лоло рыдала, когда они окончательно расстались.

А я... Я просто исполняю свой дочерний долг и вместе с тем пытаюсь нивелировать шантаж Грома.

Мол, сидела же на кухне со всеми? Сидела. Прямых указаний, как себя вести, не было. Так что звиняйте, если вы вдруг огорчились. Никаких претензий.

– Упс, – продолжая переигрывать, кудряшка прикладывает ладонь ко рту и показательно бьет по губам. – Простите меня, пожалуйста, не смог сдержать эмоций. Вы же знаете Лоло, она у нас очень ранимая и чуткая натура. А я хочу позаботиться о ее будущем.

– Хватит! – Наконец, сестра не выдерживает, ударяет по столу кулаками и резко встает со стула. – Олег, нам нужно поговорить. Идем! – Она обходит стол и хватает актера без Оскара за кожаную куртку с шипами и клепками, утягивая за собой.

Вот только Громов не собирается подчиняться. Он одер-

гивает кожанку, демонстративно поправляя ее, и смотрит на девушку исподлобья.

– Я приехал к Нике. Нам с тобой не о чем говорить, – очень тихо и угрожающе произносит парень. И тут же начинает мило улыбаться остальным. – Очень вкусный пирог, Алла Сергеевна! Можно мне еще чаю?

Я выпадаю в осадок. Весь мой вид кричит: «Ты что творишь, придурок?!»

Он же хотел помириться с Лоло! Или я чего-то не поняла?!

Сестра бледнеет и едва дышит. Не знает, куда себя деть. И тут уже не выдерживает мама. Схватив Олега за ухо, она вытаскивает его из-за стола.

– Негодник! Все никак не успокоишься! А ну, пошел вон из моего дома! И чтобы ноги твоей я здесь больше не видела!

– Ауч! – кривится мажор, но позволяет ма вывести его за дверь. Правда, перед этим на прощание снова мне подмигивает и трясет рукой у уха, имитируя телефон.

«Наберу», – читаю по губам.

В ответ закатываю глаза. И подавляю тяжелый вздох, когда Лола, всхлипывая, уносится к себе в комнату.

Теперь еще идти и утешать ее... Одна морока и мне, и матери...

Вот не могут они по-человечески! Разве нельзя сказать: «Я люблю тебя, давай попробуем начать сначала»? И все!

Нет же... Надо обязательно показательные сцены устраи-

вать.

Надоели их драмокачельки!

Антон растерянно смотрит в коридор, явно ничего не понимая, и поднимается из-за стола, чтобы пойти следом за своей девушкой. Утешить. Но вернувшаяся на кухню ма качает головой и жестом останавливает его.

– Прости за это, Антоша, – устало выдыхает она, прислоняя руку ко лбу. – Иди домой. Она тебе завтра напишет.

– Но...

– Иди, – говорю я настойчиво. – Потом поговорите.

– Проводи гостя... – просит мама, и я неохотно поднимаюсь с места, пряча руки в карманы.

Попрощавшись с Антоном, родительница встревоженно скрывается в коридоре, оставляя меня со спортиком наедине.

– Не спрашивай, – отрезаю я, видя, как он открывает рот, чтобы задать вопрос. И, не церемонясь, указываю парню в сторону выхода.

В итоге последней, кто покинул кухню, была я, несмотря на то что по плану должна была свалить первой. До того, как все начнется.

Хотя нет, не последней: кухню все еще сторожит одинокое, разворошенное Громом в крошку блюдо с клубничным пирогом.

Или тем, что от него осталось...

Глава 9

Олег Громов

Слушаю Резникова вполуха, перебирая струны акустической гитары. В голове вертится мелодия, но слова песни никак не хотят ложиться на ноты. Я пробую и так и эдак, но в итоге раздраженно бряцаю по струнам и откладываю гитару в сторону.

Муза – та еще штука... Непостоянная и ветреная. Завтра попробую снова.

А может, дело в засранце Нике. Отвлекает своей никому не нужной болтовней. Продолжает играть в друганов, хотя я до сих пор не простил его за то, что он трахнул Лолу, пока у нас с ней был перерыв в отношениях.

«Или тебя бесит, что в итоге Резников нашел свое счастье в лице дерзкой брюнеточки, а ты остался ни с чем...»

Да уж, самокритика – это диагноз. Пора закругляться.

– ...не повторяй моих ошибок, – басит Ник, заканчивая фразу, которую я благополучно прослушал.

– А? – Даже не пытаюсь скрыть тот факт, что пропустил мимо ушей все, что он только что тут наговорил.

– Ля, Гром, для кого я сейчас распинаясь?

Я беру телефон в руки и пожимаю плечами, глядя на то, как Резников в ответ закатывает глаза по ту сторону экрана.

– Для себя? – Вскидываю ладонь и неопределенно веду ею в воздухе.

– Кончай уже. Я думал, мы все обсудили.

– Ты трахал мою девушку! – рычу я, понимая, что какого-то хрена взвинчен до предела. И на этот раз Ник тут ни при чем. — Ждешь, что я так быстро все забуду?

– Полтора года прошло. Да и вы разбежались на тот момент, вроде как насовсем. И сбавь обороты. – Он дергает щекой и тревожно оглядывается. – Если Катя услышит, я лично приеду в вашу деревеньку и прикопаю тебя на ближайшем кладбище. Понял? – Тычет указательным пальцем в экран. – Она только успокоилась со своей ревностью...

Друган, как всегда, образец ледяной ярости – на роже каменное выражение, а глаза красные, как у бычары. Был бы рядом, молча бы втащил, чтобы я заткнулся. И непременно схлопотал бы в ответ.

В такие моменты утихомирить нас может только Аид, но он не всегда бывает рядом. А вот Рэн – любитель подлить масла в огонь. Хорошо, что он свалил обратно к себе в Корею. Хоть поспокойнее стало.

Всегда его недолюбливал...

– Ты обязательно маякни, если расстанетесь, – скалюсь я, желая подначить Резникова. Спровоцировать. И еще раз напомнить о том, какой он ушлепок.

Нахрена? Хз. Просто настроение такое. Дебильное.

Ник откидывается в кресле, вскидывает брови и трет переносицу.

– Как детсадовец... Ладно, считай, что я сегодня мать Тереза, поэтому попробую спасти твою задницу от будущих

факапов: не шантажируй Веронику, это плохо кончится. Не повторяй моих ошибок, которые я совершил с Катей. Да и вообще, присмотрелся бы ты лучше к младшей, если уж тебя так тянет на семейство Астафьевых. К тому же они близняшки... — тянет он с намеком.

— К Нике? Прикалываешься? — иронично хмыкаю я. Но в груди что-то екает, стоит вспомнить ту ночь, когда вломился в ее комнату без спроса.

— А чем она плоха? Добрячка, милашка, умеет вкусно готовить...

— Тебе лишь бы пожрать! — перебиваю его, отмахиваясь.

Вот только взгляд невольно прилипает к белой рамке с нашей общей фоткой, которую я стащил прямоком из мусорной корзины Ники, делая ноги. Там она совсем нескладная, костлявая, лохматая девчонка с неровным каре. Наивная до безобразия.

Зато сейчас... Рыжая копия стервозной Лоло.

Хотя нет. Блондиночка — мстительная и хладнокровная, расчетливая, а Веснушка просто вспыльчивая. Причем всякий раз она удивительным образом сочетает свою огненную натуру с обезоруживающей логикой и нетипичным для девятнадцатилетней девушки мышлением. Но при этом Ника не кажется холодной и бесчувственной рыбешкой, как Лола.

Признаться, это цепляет.

Да и внешне подруга детства сильно изменилась. Из плоскодонки превратилась в изящную гитарку. Волосы отрасти-

ла до поясницы. Некогда круглое личико потеряло всю детскость, заострилось, а губы стали пухлее, будто она в них гиалуронку вкачала.

И эти синие глазищи... Как море в ясную погоду.

– Гляжу, задумался, – довольно лыбится Резников, ехидно поглядывая в мою сторону.

– Да пошел ты... – Откидываю телефон в сторону, не забываясь о том, будет Ник меня видеть или нет.

Но друган не сдастся.

– Да сдалась тебе эта сучка! Че ты в нее так вцепился? Девушек на свете мало? Или ты мазохист и любишь получать граблями по лбу?

– Отвали, а! Бесишь.

– Кто еще, кроме меня, тебе мозги вправит? У Аида там свои проблемы. Отец женить его пытается, чтобы бизнес передать. Смотрины устраивает чуть ли не каждый день. [Егор](#) уже не знает, как отблехаться. Ему явно не до нас и уж точно не до твоих загонов на тему больных отношений.

– И этот туда же... – бормочу под нос, мысленно проклиная себя за то, что вообще продолжил тему Лолы – Вероники.

Но, оказывается, у Резникова прекрасный слух.

– И куда же?

– Шел бы ты спать, – слишком резко выпаливаю я.

– И пойду. Со своей любимой девочкой, да, ветерок? – Он начинает сюсюкаться с женой, и я кривлю лицо. Благо па-

рочка этого не видит – смартфон перевернут экраном вниз.

Буэ! Какие же они до тошноты милые.

– Отключись хотя бы, извращенец, – ворчу я, но ответом мне служит тишина.

Я даже удивляюсь. Тянусь за телефоном и вижу, что собеседник завершил видеосвязь.

Ля... Он это специально! Чертила.

Лан, и вправду пора закругляться. Вдохновение не идет. Настроение на букву «Г». Секса в гребаной деревне – кот наплакал. Да и стремно чет местных красоток шпилить. Еще и Ник со своими советами и демонстрациями счастливых отношений дегтя в бочку подливает.

Собираюсь отправиться на боковую, но из башки не выходят слова Резникова:

«Присмотрелся бы ты лучше к младшей...»

К младшей, говоришь?

Беру в руки рамку с фотографией и заваливаюсь на кровать, подкладывая руку под голову. Внимательно рассматриваю Нику, пытаюсь понять, что чувствую, но в голову лезут воспоминания не в тему, когда Веснушка напилась на выпускном и...

Вздохнув, убираю рамку в сторону, спотыкаясь о внезапно вылезшую из недр совесть. И кое-какую инфу, которую случайно прочел в розовой книжечки девчонки.

Какое мне дело до того, что Ника была влюблена в меня все это время? Будто я раньше не догадывался...

Но одно дело догадываться, а другое – знать точно.

Лучше бы вообще не читал ее сраный дневник! Только башка болеть стала.

Как бы там ни было, я все равно не отступлюсь от наменного плана. И если Веснушка вынудит меня обнародовать ее постыдный секрет, я это сделаю. Потому что месть – это блюдо, которое подают холодным.

Не так ли, Лоло?

Я заставлю тебя пожалеть.

Глава 10

– Ника! У меня ЧП!

В комнату, словно маленький смерч, влетает сестра. От неожиданности я делаю резкое движение рукой, перечеркивая карминовым оттенком весь пейзаж, над которым трудилась несколько часов подряд.

– Лола... – выдыхаю я, пытаюсь сдержать рвущие меня эмоции и не разрыдаться от обиды. На нее саму даже не смотрю, расстроено потирая веки указательным и большим пальцами.

Картина загублена... Можно выкидывать.

Сестра наконец замечает, что натворила, потому что за спиной раздается уже не к месту тихое:

– Ох... Прости, Ника, мне не следовало так врываться. Это можно как-то исправить? – Она подходит поближе и показывает на жирную красную линию, перечеркнувшую весь

ХОЛСТ.

Я поднимаю взгляд, разглядывая Лолу исподлобья.

Волосы собраны в высокий хвост. Глаза густо подведены черной подводкой. На губах ягодная помада. В ушах – длинные золотые серьги, свисающие до самых плеч. Стройную фигурку обтягивает узкое платье-гармошка небесного оттенка.

В общем, про таких девчонок в нашей деревеньке пишут неприличные слова на заборах. А еще их громко обсуждают бабки, собираясь пощелкать семечек на лавочке. Может, для города она выглядит нормально или даже обычно, но точно не для наших мест.

Это как посадить орхидею среди кактусов. Вот та же история.

Хотя откуда мне знать дресс-код «Богемы»? Сестре виднее, она часто тусуется на подобных мероприятиях. А я – полный профан в этом деле.

Вспомнив, что Лола ждет ответа, протяжно выдыхаю, тем самым демонстрируя все, что я думаю по этому поводу.

Уверенно произношу:

– Нет. Только выбрасывать.

– Никуся, прости! – Она делает скорбное выражение лица и порывисто заключает меня в объятия. – Я правда-правда, не хотела! Прости.

Возможно, мне стоило тут же растаять, но...

Во-первых, я с детства ненавижу, когда меня так называ-

ют, а во-вторых, если Лола изображает из себя примерную сестру, значит, ей от меня что-то нужно.

Чую, вряд ли я буду в восторге от ее просьбы. Особенно если учесть, что через час она топает в элитный ночной клуб, прямиком в сети Грома. И как вишенка на торте – мы до сих пор не обсуждали случившееся на званом ужине.

Но, судя по всему, сестра не злится и не обижается. Иначе серьезный разговор настиг бы меня в тот же вечер. Она не из тех людей, которые держат все в себе. Сразу в лоб – это про нее. ЧП, с которым Лола ворвалась ко мне, наглядное тому доказательство.

А вот я все еще не отошла...

Этим мы тоже отличаемся. Лоло быстро вспыхивает и так же быстро остывает. Я же долго коплю в себе, терплю, и лишь потом взрываюсь. Да так, что всем места мало становится. Но до такой кондиции меня еще нужно постараться довести.

Терпила – подходящее определение для одной из особенностей характера Вероники Астафьевой.

Я ненавязчиво выбираюсь из объятий сестры и поднимаюсь со стула. Разминаю плечи и затекшую от долгого сидения спину. Намеренно тяну время, давая себе возможность взять себя в руки и успокоиться. Но раздражение, обида и злость не хотят отступать. И уступать. Они копились всю прошедшую неделю, как снежный ком, а испорченный пейзаж стал последней каплей. Чаша терпения переполнена и вот-вот прольется.

Видя мое выражение лица, Лола дует губы и умоляюще смотрит на меня по-арктически голубыми глазами. Которые, к слову, выгодно оттеняет платье.

– Ну, не злись. Я ведь не специально.

– Я не злюсь.

– Злишься, я же вижу! – настаивает она.

– Хорошо, злюсь, – признаюсь я, тщетно продолжая искать дзен, который так усердно прячется от меня. – Но не хочу опять ругаться. У меня нет ни малейшего желания уходить в негатив, которого и так полно в этом доме.

Вопреки моим словам, Лола вдруг начинает хитро улыбаться. В ее взгляде загораются искорки. Так было всегда, когда она собиралась подбить меня на очередную нехорошую авантюру, за которую нам потом доставалось от мамы.

– О нет, даже и не думай. Я заранее отказываюсь. – Предупредительно наставляю на нее указательный палец.

– Ты ведь еще не знаешь, что я хочу сказать. – Сестра закатывает глаза, упирая в бока руки с ультрамариновым лаком на ногтях.

– Да, но уверена, что *мне* эта затея не понравится.

– Не будь столь категорична, – фыркает Лола и хмурится, невзначай оглядывая мою комнату. – Ты уже стухла, как старый овощ, сидя дома да батрача официанткой в пляжной кафешке. Тебе стоит развеяться!

Я вижу, насколько ей нравится чувствовать себя спасателем. Героиней. Но горькая правда состоит в том, что меня не

нужно спасать. У нас абсолютно разные увлечения и предпочтения.

Мне нравится быть наедине с самой собой. Нравится сидеть в тишине. Я интроверт, в конце концов. А вот она – гребаный экстраверт, не дающий мне покоя!

Не увидев сопротивления, сестра заговорщически прищуривается и кидает многозначительный взгляд на мой шкаф.

О нет! Только не произноси эту фразу...

– Тебе просто необходимо пойти вместе со мной в «Боге-му»! – Лола распахивает створки старенького шкафа и ныряет в него с головой. – *Ты* достала нам приглашения и это *ты* должна пойти со мной, а не Анька, – доносится ее приглушенный голос из недр.

Я обессиленно падаю обратно на стул. Смотрю на то, с каким энтузиазмом Лоло копается в шкафу, прекрасно зная, что ничего, кроме спортивных костюмов и растянутых стареньких свитеров, футболок и лонгсливов не найдет.

Чуда не происходит, и она убеждается в этом уже спустя пять минут.

– М-да, тухло... – Сестра цокает языком и переводит на меня нечитаемый взгляд.

– Что? – Я развожу руками. – Все в твоё обучение вкладываем, наша надежда и гордость, – язвительно произношу я.

– Так, отставить яд, сегодня у нас перемирие, – категорично заявляет блондинка и выпрямляется. После чего скрещивает руки на груди, окидывая меня придиричивым взглядом. –

Ну, мы плюс-минус одинаковой комплекции, думаю, выцеплю что-нибудь из своего гардероба.

– Начнем с того, что я никуда с тобой не иду.

Лола искренне теряется, будучи абсолютно уверенной в своих ораторских способностях и харизме.

– Почему? – Она хлопает длинными накладными ресницами.

– Потому что у меня выходной. День релакса. И я хочу провести его в тишине и покое, а не в шумном клубе с дергающимися потными и вонючими телами, пытающимися потереться об тебя. Мне там нечего делать. Подобный отдых меня не интересует.

Я категорична. И уступать не собираюсь.

Вот только Лола не была бы моей сестрой, если бы не знала мои слабости...

– Окей, давай, попробуем еще раз. – Она подмигивает, с громким хлопком соединяя ладони у груди. – Я куплю тебе новый холст взамен испорченного. И... краски! Те самые, как их? Дорогущие еще которые? – пытается вспомнить, щелкая пальцами. Я услужливо подсказываю ей название одной из компаний, выпускающих потрясающие стойкие пигменты. – Да, вот их. По рукам?

Признаться, о них я мечтала с самого детства, но все деньги уходят либо на нужды, либо на обучение Лолы, либо еще на какие-то непредвиденные траты. Например, на починку холодильника или установку новой поливной системы для

огорода.

– Нескромный вопрос: на какие шиши? – скептически выгибаю бровь.

– У меня есть... небольшие сбережения, – уклончиво отвечает она и всем видом показывает, что больше ничего на эту тему не скажет.

Я набираю полную грудь воздуха и шумно выдыхаю, поглядывая то на испорченную картину, то на сестру.

Продаваться за краски не хочется, но... Всегда есть это бесящее «но».

Кто знает, когда мне выдастся возможность накопить на качественные пигменты? А вдруг после их покупки у меня попрут картины, и я разбогатею на собственном хобби?

Да уж, мечтать не вредно.

– А с Анькой что? Ты же с ней хотела пойти, – предпринимаю последнюю попытку убедить себя отказаться от заманчивого предложения.

– В этом и состояло ЧП. Там ее бойфренд заграничный приехал. Слилась в последний момент. – Сестра машет рукой, кривя уголок губ. – Соглашайся, – совращает она голосом искусительницы и кладет ладони на мои плечи, сжимая их. – Завтра же куплю краски! Вместе закажем! — Делает ход конем, умоляюще заглядывая в глаза.

Шах и мат.

Я сдаюсь.

Признаться, где-то глубоко в душе мне и самой хочется

хотя бы раз, хотя бы одним глазком взглянуть на ту, «другую» сторону жизни. Не обремененную заработком денег, обязанностями, ответственностью и ранним взрослением.

Поэтому я соглашаюсь.

Лола визжит от радости, кидается мне на шею и радостно чмокает в обе щеки, приговаривая, что я – чудо и самая лучшая сестра в мире. После чего убегает в свою комнату, чтобы найти еще одно приличное платье и принести палетку, которой у меня отродясь не было. Краситься я не умею от слова «совсем».

Эх, надеюсь, я не совершила ошибку, согласившись...

Ничего же такого не случится, если я хоть раз позволю себе расслабиться?

Глава 11

Всю дорогу до «Богемы» и особенно в самом клубе я то и дело одергиваю вниз коротенькое черное платьице на тонких бретельках, пытаюсь хоть немного натянуть его до рамок приличия. Босоножки на высоком каблуке усугубляют ситуацию тем, что я банально не умею на них ходить. Если бы не Лола, поддерживающая меня под локоть, я бы давно запуталась в собственных ногах и некрасиво растянулась посреди толпы у входа в клуб.

Эта затея изначально была просто отвратительной! И похоже, вечер будет одним из самых ужасных в моей жизни. В лучшем случае все закончится тем, что я помру от скуки или стыда. А в худшем...

Нет. Даже думать не хочу!

Чтобы чем-то занять мысли, рассматриваю помещение. Аутентичный стиль и разряженные люди вокруг заставляют нервничать еще больше, ведь это совсем не то, что я ожидала увидеть. В моем представлении ночной клуб должен сверкать неонами, долбить басами по ушам, а пришедшие сюда – веселиться и танцевать. Про шаблонные кожаные диванчики и круглые столики, которые показывают в фильмах, я вообще молчу.

Но «Богема», оказывается, не просто так носит свое название. И это вовсе не клуб, а закос под шикарный ресторан в старинном стиле, к которому приляпали широкую сцену, не уступающую своим видом лучшим концертным залам. Гости заведения не орут, не толпятся, не дрыгают телами. Они ведут себя соответствующе царящей вокруг атмосфере – по-светски. Еще и разодеты так, будто на симфонический концерт пришли, а не тусить.

Музыка ненавязчиво льется из динамиков, подобно ручейку, и никому не мешает. Большинство приглашенных сидят за мраморными столиками в белоснежных бархатных креслах или на диванчиках, а остальные либо курят на балконе за закрытыми стеклянными дверьми, либо дегустируют алкогольные напитки у фонтана, стоящего посреди ресторана.

То есть клуба...

Но самой отличительной чертой «Богемы» даже от обыч-

ного ресторана являются статуи, как в каком-нибудь музее – белоснежные и высокие, напоминающие греческие. Одна из таких полуобнаженных величественных статуй занимает почетное место на пьедестале фонтана, у которого собрался кружок элегантных дегустаторов.

Лола, ощутив, что я напряжена, склоняется к моему уху и по-змеиному шипит:

– Ни-ика-а! Расслабься, если хочешь выглядеть, как леди, а не как бревно, которое нарядили в платье.

Она, на удивление, чувствует себя уверенно во всей этой обстановке. Я бы даже сказала, как рыба в воде. Сестра лучезарно улыбается незнакомым людям, обратившим на нас внимание, и скромно потупляет взгляд спустя несколько секунд зрительного контакта. Ее глаза светятся радостью и возбуждением, чего нельзя сказать обо мне, транслирующей неуверенность и желание сбежать.

И почему этим богачам обязательно нужно выпендриться? Все не как у людей!

Как знала, что мне тут не место. Жопой чуяла!

– Ника! Соберись! – уже строже, но при этом все равно тихо шикает на меня Лола. – У нас ВИП-места на втором этаже. Веди себя соответствующе!

ВИП?

Гром... Я точно придушу этого гада, как только останусь с ним наедине. Чтобы без свидетелей.

Мы с сестрой поднимаемся наверх. И вот если первый

этаж просто впечатляет, то второй – поражает воображение. Небольшие огороженные альковы обустроены с комфортом, достойным верхушки общества. Так, чтобы сидящие в них гости имели возможность не только насладиться видом сверху, но и уединением. Витые лозы огибают каждый альков. Ползут по длинной стене в форме полукруга, лицевая сторона которой выходит на сцену.

– Офигеть... – пораженно выдыхаю я, и получаю тычок под ребра.

– Не выражайся и води себя естественно. Ты тут *не в первый раз*, поняла? – Лола выразительно смотрит на меня, вскинув брови. – Роскошь – твое второе имя.

Я закатываю глаза и поджимаю губы.

– Извини, но *мне* голубой крови не досталось. Все запасы на тебя ушли.

Не дожидаясь ответа и стараясь не пялиться на безумно красивую лепнину на стенах, подхожу к нашему столику. И давлю смешок, замечая номер.

Тринадцать. Ну конечно! Персональный стеб от Грома.

Стол ломится от всевозможных закусок, фруктов и небольших статуэток, похожих на статуи снизу, только в миниатюрной версии. А еще тут уже стоит бутылка дорогого вина и два пузатых бокала.

Как только мы с Лолой устраиваемся на мягком диванчике в форме полукруга, к нам подходит услужливый официант и интересуется, будем ли мы делать заказ.

Я не успеваю отказать улыбчивому парню в форме – сестра раскрывает рот раньше меня:

– Стейк прожарки medium well, пожалуйста, и...

За долю секунды грудь охватывают ледяные щупальца ужаса. Она еще не договорила, а перед моими глазами уже стоит счет с космическими цифрами.

Пока Лола не утянула нас на дно, торопливо перебиваю ее:

– И на этом пока все, – выдавливаю из себя улыбку официанту.

Тот вежливо кивает и уходит, а я ловлю сначала удивленный, а после – недовольный взгляд блондинки.

– Ника! – возмущается она. – Ты чего? О нас подумают невесть что! Это правила хорошего тона – заказать несколько блюд.

– Лола, очнись! – Сбрасывая с себя великолепие «Богемы», пытаюсь спустить ее обратно на землю. – Ты чем расплачиваться собралась?

– Наши приглашения – это депозит, расслабься.

– Какой расслабься? – взвиваюсь я. – Какой депозит? Ты тут месяц посуду мыть будешь после того, как нам выставят счет, и все равно не рассчитаешься!

– Вероника! – в льдистых глазах на секунду мелькает злость, которая тут же скрывается за взмахом длинных ресниц. – Ника... – выдыхает она. – Депозит – это когда в стоимость билета уже входят блюда и напитки. Да, есть лимит, но я изучила этот вопрос заранее и знаю, что можно заказывать.

Поэтому, пожалуйста, не вмешивайся и просто наслаждайся вечером. Я пришла сюда веселиться, а не краснеть за тебя.

Последняя фраза задевает, и я быстро отвожу взгляд, который невольно устремляется на сцену. Та видна как на ладони, но я все равно осторожно беру в руки позолоченный бинокль, лежащий на специальной подставке, и внимательно в него вглядываюсь, чтобы отвлечься и не наговорить ничего сгоряча. Да еще и в подобном месте. Тут наверняка камеры на каждом углу.

В общем, я вовсю имитирую бурную деятельность, лишь бы не разговаривать и даже не смотреть на сестру. И словно по заказу, тут же натываюсь на знакомую моску в двух- или трехкратном увеличении. Вот только Громов сам на себя не похож. Я ожидала увидеть типичный стиль вокалиста и фронтмена «Devil inside» – кожа, цепи и остальная атрибутика, присущая металлистам. Но Олег прилизан, как мафиози, на нем гладкая даже на вид алебастровая рубашка с двумя расстегнутыми верхними пуговицами и выглаженные брюки со стрелками. Вместо электрогитар на сцене только одна, акустическая. Еще и группа не в полном составе – лишь Гром и соло-гитарист Даниил по кличке Дым.

Олег вальяжно устраивается на свободном стуле и регулирует микрофон под свой рост. Рядом с ним на соседнем стуле настраивает гитару Даниил. И в этот момент спокойная мелодия, доносящаяся из динамиков, затихает. Из-за кулис выходит мужчина, сверкая стразами, нашитыми прямо на

золотистый пиджак, и останавливается сбоку от музыкантов.

Торжественный и громогласный голос ведущего разносится по всему клубу-ресторану:

– Дамы и господа, рад приветствовать вас в нашем особенном ночном заведении! «Богема» – это место, в котором вы можете скрыться от скучных серых будней и отдохнуть душой. Каждый визит в «Богему» – такой же неповторимый, как и вы, наши дорогие гости. А теперь позвольте представить именитых музыкантов, которые будут услаждать ваш слух акустическим звучанием своих песен этим вечером: несравненный Олег Громов, покоровший своим голосом и модельной внешностью не одно дамское сердце, и Даниил Стеклов, пальцы которого играют отнюдь не на гитаре – они порхают по струнам вашей души!

Польщенные гости разражаются аплодисментами, а я превращаюсь в одну из «богемных» статуй. Потому что Гром смотрит прямо мне в глаза и улыбается, как сам Дьявол.

Глава 12

Я будто в бездну проваливаюсь. В бездну этих порочных малахитовых глаз. Подвисяю на чувственном изгибе рта. На слишком красивых чертах лица не просто человека – падшего ангела.

Губы Грома шевелятся, говорят что-то в микрофон, но я ничего не слышу. Во все глаза смотрю на нового, незнакомого мне Олега и ощущаю, как грудь сжимают тиски. До сладкой боли. До ватных рук и ног.

Нет...

А потом он запел так, как не пел никогда раньше. И все звуки вернулись разом. Оглушили. А мой мир взорвался забытыми яркими красками.

Кто же спасет тебя,

Если монстр внутри меня

Снова одержит верх

И подтолкнет на грех?

Нет...

Мне нужно срочно уничтожить это чувство! Не дать ему пустить корни в своем сердце. Опять...

Я хватаю один из пустых пузатых бокалов, пока Даниил режет струнами акустической гитары мои натянутые нервы, и наполняю до краев то ли вином, то ли шампанским. Залпом выпиваю все до дна, не обращая внимания ни на шокированный взгляд Лолы, ни на презрительно косящихся людей за соседними столиками.

А Гром, вознамерившийся совершить нечто похуже, чем просто испортить мою жизнь своим возвращением и неуместным шантажом, продолжает петь:

Во тьме блуждал.

Себя терял.

Не видел снов я никогда...

Но свет во тьме,

Моей тюрьме,

Являл мне образ без конца...

Зачем? Почему он смотрит на меня *так*?!

Как «так», я не хочу озвучивать даже в мыслях. Это яд. Это отрава. Гром – это зло. И если я хотя бы на мгновение приоткрою запертый пыльный ящик, хранящийся в недрах моей души, то не выберусь снова. Без потерь уж точно...

Но руки почему-то все равно трясутся.

– Что с тобой?

Лола кладет свою ладонь поверх моей, и мне удастся разорвать немой диалог с Громом, который все равно продолжает смотреть только на меня. Пристально и беспощадно. Я *чувствую*, как его взгляд обжигает лицо.

Ответить на вопрос сестры я не успеваю. Она вдруг хмурится и, наконец, понимает, *кто* выступает на сцене.

– Олег? – произносит на грани слышимости.

В горле пересыхает. Виновен ли в этом стресс или выпитый алкоголь – уже неважно. Сердце колотится, как ненормальное, пытаюсь пробить дыру в грудной клетке.

Я загнала себя в ловушку и понятия не имею, как теперь

из нее выбираться.

Сестра практически не моргая изучает сцену. А точнее, того, кто все еще поет. На ее лице застывает изумление вперемишку с чем-то темным. Даже злым.

А я хочу закрыть уши руками, лишь бы не слышать эти слова:

Твой лик – краса.

В глазах – тоска.

Беспечен был, не понимал...

Поймал тебя,

Сковал лишь зря.

Что нас губил, еще не знал...

Лола никогда не слушала песни Грома. Ей они казались хаотичным, крикливым шумом в сочетании с невыносимой музыкой. Так она отзывалась о его творчестве, сопровождая сказанное коронной усмешкой. Но то, что действительно имело значение, – это слова песен, которые Олег всегда посвящал ей. Девушке с ледяным взглядом и сердцем. Девушке, которая неспособна разглядеть душу за фасадом.

И темной, страстной ночью

Переплелись тела,

И бездна поглотила

Ее нежные глаза.

Звучит проигрыш, грустный и цепляющий душу, и песня заканчивается.

Около минуты стоит полная тишина. Впечатленные гости «Богемы» блестящими глазами таращатся на сцену. Дамы украдкой утирают слезы, прижимают руки к груди. Некоторые и вовсе охают, все еще находясь под впечатлением, а кавалеры их утешают, пользуясь моментом.

Наконец, зал предсказуемо взрывается аплодисментами. Участники «Devil inside» скромно кланяются, объявляя короткий перерыв перед продолжением вечера живой музыки. А когда они скрываются со сцены, из динамиков вновь разливается умиротворяющая мелодия.

Вот только она абсолютно не соответствует буре, царящей в моей душе.

Мне снова восемнадцать. Я снова прижата к горячему мужскому телу. Мрак скрывает нас от чужих глаз. Я слушаю его хриплый шепот, ловлю рваное дыхание и подставляю шею под нетерпеливые поцелуи. И не останавливаю, когда сильная мужская ладонь огибает живот и уверенно стремится вниз. Туда, где занимается пожар.

Нужно уходить отсюда, как можно скорее. Я словно в аду

оказалась. Аду, замаскированном под райское место.

На глазах выступают слезы, и я не могу их остановить. Они катятся по щекам, а я боюсь зажмуриться, чтобы не испортить макияж. Чтобы не выглядеть, как всегда – как кикимора болотная.

Но реальность диктует свои жестокие правила. Ловушка захлопывается, придавливая меня к диванчику с бархатной обивкой.

– Почему Олег здесь? Как ты на самом деле достала приглашения в элитный клуб?

Похоже, Лола обо всем догадалась, сопоставив события. Не зря она учится в престижном университете, в то время как я гублю свою жизнь в этой дыре, не в силах выбраться из болота.

Гублю...

Наверное, впервые за все время во мне прорастает зернышко внутреннего бунта, рожденного из сомнений в том, правильно ли я живу. И должна ли губить свою молодость в угоду сестре.

Я не отвечаю на риторические вопросы Лоло, украдкой стирая слезы. Душа в этот миг полна смятений, ведь близняшка даже не замечает моих слез, не замечает, в каком я состоянии. Она полностью поглощена собственными догадками и поиском ответов на свои вопросы.

Остальное ее, похоже, не волнует.

– Это была его идея? – Она кивает в сторону уже пустую-

щей сцены и смотрит на меня, ожидая, что я буду все отрицать. – Он тебя надоумил?

Я собираюсь ответить, но мой ответ, судя по всему, не имеет никакого значения. Эмоции раздирают сестру и, чтобы немного успокоиться, она роняет лицо в сложенные лодочкой ладони. Трясет головой, словно пытается сбросить с себя неприятные переживания. Словно не может поверить в происходящее. А затем шумно выдыхает и вскидывается. Смотрит на меня так, будто я предала ее.

– Или... – Глаза сестры расширяются от охватившей ее догадки. – Или Олег пригласил *тебя*, а ты просто спихнула мне билеты? Ты хотела сделать мне больно? Досадить? Отомстить? Чего ты хотела этим добиться?! – Ее голос срывается.

Невероятные, нереальные выводы сестры выбивают из колеи. Я открываю рот, чтобы выдать из себя хоть что-то, но не нахожу и слова.

Лола интерпретирует мое молчание по-своему.

– Ясно, – горько ухмыляется она и подскакивает с места.

– Нам нужно уйти отсюда. – Я прихожу в себя, подскакиваю следом и хватаю ее за руку.

Эффект неожиданности срывает, и Лола позволяет увести себя со второго этажа, провести мимо статуй и фонтана. Но стоит нам оказаться снаружи, как она резко вырывает руку, вынуждая остановиться.

– Я никуда с тобой не пойду! Ты – завистливая гадина! И

как я раньше обо всем не догадалась?! Он все выступление смотрел только на тебя, Ника! На тебя! – повторяет она еще раз, как будто я с первого раза ее не услышала. – Это из-за тебя он вернулся, не так ли? – И продолжает, не позволяя мне вставить и слова. – Не ради меня, нет. – Она качает головой. На губах Лолы появляется злая усмешка. – Из-за тебя! Он сам сказал об этом тогда на ужине! Это *из-за тебя* он меня бросил, да?!

Я смотрю на сестру, на ее обезображенное ненавистью лицо и не могу поверить своим ушам.

Она обвиняет *меня*?

Не себя. Не Грома. Не обстоятельства.

Меня.

– Ты хоть понимаешь, как бредово это звучит? – Ночь делает мой голос глухим и отстраненным.

– Ты... – Лола замолкает. Ее грудь ходит ходуном. Ей не хватает дыхания, чтобы сказать фразу целиком, и она делает глубокий вдох. – Ты была в него влюблена! Как же я раньше не догадалась?! Ваши совместные фотки, дружба, эти репетиции... Я видела, как ты на него смотрела, но даже и подумать не могла!

Я сжимаю руки в кулаки. На внутренней стороне ладони наверняка останутся следы от ногтей – так сильно я их сжала. Но сейчас мне все равно на физическую боль. Изнутри рвет сильнее.

Она ищет любой повод, любую причину, чтобы обвинить

меня.

Я всегда буду виноватой...

И, словно этого недостаточно, появляется Громов. На скуластом лице широкая улыбка. На Лоло он не смотрит. Его горящие глаза оценивающе скользят по моей фигуре, затянутой в черное платье. В этот момент сестра оборачивается, проследив за моим напряженным взглядом. И вздрагивает, когда Гром проходит мимо нее. Намеренно близко – ее нос почти коснулся его плеча.

– Веснушка! О-хре-нетъ! Выглядишь, как богиня! – хрипло выдыхает парень, обнимая меня за талию и прижимая к себе. И не успеваю я среагировать на столь наглое отношение, как он склоняется к моим губам, окутывая их интимным шепотом: – Надеюсь, тебе понравилась новая песня, ведь я посвятил ее тебе.

Облизнувшись и на корню задавив все мои попытки его оттолкнуть, этот демон, самый настоящий демон, берет и бесстыдно целует меня прямо на глазах у моей сестры.

Глава 13

Я не позволяю себе даже просто подумать о том, каковы на вкус эти губы *теперь*. Запрещаю телу реагировать. Запрещаю вспоминать. Ведь в противном случае утону в сладком омуте, забыв даже о сестре.

А это самое страшное, что может случиться, потому что мои чувства к этому подонку никуда не делись, как оказа-

лось. Они всего лишь уснули на время.

Нужно спасти нас обоих...

Пощечина выходит звонкой. Настолько, что заглушает судорожный всхлип Лолы. Но я все равно его слышу. Он звучит горьким, протяжным эхом в моем сознании.

– Ты чего дерешься? – возмущается Гром, *позволяя* оттолкнуть себя.

Но мне нет дела до бывшего друга, его мнения и вопросов. Все мое внимание приковано к сестре, по щекам которой градом льются слезы. Она стоит и надрывно плачет, глядя на нас с болью, обидой и ненавистью.

– Лола...

Я хочу подойти к сестре. Успокоить, утешить. Но она резко выставляет перед собой ладонь, не позволяя к ней приблизиться.

– Нет, Ника. Не надо! Не говори ничего. Лучше... молчи.
– Она не дает и шанса оправдаться.

Близняшка на грани, поэтому я остаюсь стоять на месте, дабы не провоцировать ее лишней раз. Девушка набирает полную грудь воздуха и смотрит вверх. Быстро-быстро моргает, пытаюсь успокоиться, но у нее не получается. Плач становится лишь громче, сестра в очередной раз всхлипывает, обхватывает себя руками и опускает голову. На ее лице – гримаса боли и отчаянного бессилия.

Я поджимаю губы. Задыхаюсь. В груди пылает злой огонь, когда я поднимаю взгляд на Громова.

– Так вот чего ты добивался, – утверждаю, не спрашиваю. Мой голос звенит от напряжения. – Месть! Ты. Хотел. Отомстить.

Я слишком поздно обо всем догадалась. Слишком поздно поняла истинные мотивы этого гада, притворяющегося тем, кем он не является. От того Олега, которого я знала, не осталось ничего. Особенно человечности.

Возможно, Лола тоже не самый лучший человек на свете, но она не заслужила подобного.

Никто не заслуживает подобного!

Мажор выглядит спокойным и безразличным. Словно никто не рыдает за его спиной. Словно, кроме нас двоих, никого нет в округе. Однако на дне его глаз цвета хвои тлеет что-то похожее на сожаление.

Но направлено оно на меня. Не на Лоло.

– И это, – он указывает на стремительно краснеющую щеку, продолжая игнорировать все, что касается моей сестры, – вместо: «Спасибо, Гром, песня просто огонь!». Когда ты стала такой черствой, а, Веснушка? Или это защитная маска? Я ведь видел твои слезы, – тихо припечатывает он, подходя ближе и касаясь моего подбородка большим и указательным пальцами.

Мой изумленный взгляд не заставляет себя ждать. Как и еще одна пощечина, которой парень точно не ожидал, судя по выпученным глазам. Я ударила его так сильно, что кожа на ладони начала обжигать, вынуждая меня сжать челюсть.

– Тогда, когда ты продал свою душу дьяволу, Громов! – цежу в ответ на его вопрос и стремительно несусь к сестре, осевшей прямо на землю. Обхватив ее за плечи, помогаю подняться. – Пойдем отсюда, Лоло. Я все объясню, когда ты успокоишься. Он не стоит твоих слез. – И выкрикиваю, обращаясь к Грому: – Скотина! Больше не смей приближаться ни ко мне, ни к сестре, ни к нашему дому! Увижу – убью!

Прядки, выбившиеся из идеально уложенной прически, делают Олега похожим на безумца с горящим взглядом. Он смотрит исподлобья. На губах – привычная усмешка. И даже алые следы пощечин не смогли стереть ее.

Как и непоколебимую самоуверенность...

– Ага. Увидимся, Веснушка. – Он сует руки в карманы брюк и глядит на меня так... снисходительно.

Лола уже ни на что не реагирует, в пустых посеревших глазах лишь боль. Мои руки непроизвольно сжимаются на ее плечах в попытке защитить от самовлюбленного мудака.

– Я предупредила.

– Ты еще передумашь, – подмигивает он, откидывая со лба липкую от геля прядь, и кривится: – Надоело. Завтра же отрежу к чертям, – бубнит Олег себе под нос, уже не обращая внимания или намеренно игнорируя то, что мы уходим от него и освещенного участка подальше.

Я достаю телефон и вызываю такси. Как назло, нет ни одной свободной машины, а вдалеке сверкает молния. Следом гремит гром, и я позволяю себе выругаться вслух.

Даже погода на его стороне! Подыгрывает!

Зато против меня – всё... Буквально всё!

Чертовы мужики! Чертов мир! Чертова несправедливость и закон подлости!

Отец бросил нас, когда мы еще в утробе были. Даже в глаза его никогда не видели! Мальчишки постоянно смеялись надо мной и моей внешностью. Задирали. В то время как всем остальным, включая Лолу, дарили открытки и цветочки на праздники, я оставалась ни с чем. С возрастом парни прекратили дразнить меня, с некоторыми мы даже подружились, как с Громом, например. Но на этом все. Никто и никогда не предлагал мне встречаться. Я не интересовала их как девушка.

И судя по всему, это к лучшему. Ничего хорошего от этих мужиков не дождешься! Глядя на отношения Лолы и Олега (или то, что от них осталось), я все больше убеждаюсь в собственной правоте.

Такси подъезжает спустя пятнадцать минут. До того, как начинает лить дождь. К тому времени сестра уже не плачет, мыслями находясь далеко отсюда. Я усаживаю ее в машину, сама устраиваюсь рядом. Молчаливый и угрюмый таксист, к счастью, не надоедает ненужными разговорами.

Ехать недолго, но Лола, кажется, засыпает, прислонившись головой к стеклу. Я рассматриваю ее красивый, точный профиль, грязное платье, испорченную прическу, и думаю, что скажу матери. И как оправдаю себя перед сестрой

завтра, когда она придет в себя.

От нервозности начинаю ковырять ногти, и тут мигает телефон, лежащий у меня на коленях. Я почему-то кидаю косой взгляд на Лолу и только потом открываю сообщение.

Гром 22:22

«Не забывай о нашем уговоре, Веснушка. У меня все еще есть на тебя компромат, так что подыгрывай, но не переигрывай. Вторая пощечина явно была лишней. Испортила мне фейс, а я, между прочим, этим фейсом на сцене свечу! Гримеры вылили на меня тонну штукатурки, перед тем как обратно на сцену пустить. Если тебе интересно, это был отвратительный опыт. Считай, что ты проштрафилась. Одними извинениями не отмажешься, будешь лечить! Теми же ручками, которыми импровизировала с моим лицом :)»

Я аж задохнулась от ярости.

Сволочь!

Какой же он... Наглый, самовлюбленный, эгоистичный, отвратительный, мерзкий!..

– Да пошел ты! – вырывается тихо, но от этого не менее зло.

Пишу в ответ:

«Вторая была за Лолу. И плевать я хотела на твои угрозы с высокой горки! Делай что хочешь. Все равно пасть в моих глазах еще больше ты уже не сможешь»

Отправляю и блокирую Громова везде, где только можно.

Мне абсолютно и глубоко фиолетово расскажет он матери

или еще кому-то мою постыдную тайну. Всегда можно отбрезаться. Это я поняла уже на следующий день после его шантажа, когда эмоции поутихли и включилась логика. Достаточно сказать, что обиженный мажорчик все выдумал, желая насолить мне и испортить репутацию.

Не думаю, что у этого гада есть нечто весомее словесного шантажа.

И почему я раньше обо всем не догадалась? Все ведь лежало практически на поверхности! Стоило лишь немного копнуть и...

Черт! Если бы я знала истинные мотивы Грома с самого начала, если бы догадалась обо всем чуть раньше...

Если, если, столько «если»!

Он знал, что я не поддержу его дурацкий план мести, в каких бы отношениях с близняшкой ни была. Знал, что не займу его сторону. И соврал. В два счета обвел меня вокруг пальца, меняя маски на лице, как сценический грим.

Актер без Оскара...

Я ведь и вправду поверила, что он хочет вернуть Лолу! Купилась, как ребенок...

Уже дома отвожу сестру в комнату, помогаю ей переодеться и укрываю, подоткнув одеяло со всех сторон. Рядом, на тумбочке, оставляю влажные салфетки и тихонько выхожу в коридор.

К счастью, мама уже спит, поэтому объясняться с ней не приходится. Экзекуция откладывается до завтрашнего дня.

Выдыхаю только у себя в комнате – это мой личный оплот спокойствия и безопасности. Не всегда, но чаще всего. Стягиваю опостылевшее за вечер платье и устало падаю в бесформенное кресло.

Рассматривая узоры-блики на потолке. Раз за разом прокручиваю в голове события сегодняшнего дня и размышляю над тем, могла ли я избежать того, что случилось.

И раз за разом прихожу к выводу, что нет. Не могла.

Гром отлично все продумал. Заранее подготовил почву для того, чтобы его гнилой план состоялся при любом раскладе. И если бы я не пошла сегодня с Лолой в «Богему», он бы наверняка придумал еще более изощренный способ подставить меня перед сестрой.

Наверное, он планировал драматичную сцену с поцелуем еще тогда, на ужине, когда близняшка привела Антона знакомиться с мамой. Но что-то пошло не так, и его план сорвался.

Устало вздохнув, прикрываю веки. Отрезаю себя от внешнего мира. Но вырваться из плена размышлений не получается.

И что девушки находят в этом гадком мажоре? Ведутся на внешку? На деньги? На лапшу, которую он вешает им на уши? Или на все вместе? И ладно еще совсем молодые и глупые девчонки ведутся, тут можно понять. Но те, что постарше...

С губ срывается очередной вздох, а тело содрогается от

мысли, что я сама едва ли не обманулась Громом в «Богеме». Его образом – открытым и искренним. Притягательной внешностью. А еще – печалью в малахитовых глазах.

Приходится напомнить себе, что он всего лишь лжец. Бессовестный и беспринципный.

Хорошо, что после восемнадцати лет у меня появились мозги и рациональное мышление, от которых все бывшие чувства разом улетучиваются. Не представляю, как бы иначе справлялась с гормонами, если бы они шкалили рядом с Громом, как в подростковом возрасте.

Меня одолевает сонливость, но я открываю глаза. Взгляд начинает лениво блуждать по комнате. По разбросанным на столе эскизам. По ужасным старым обоям в цветочек. По ветхому шкафу. И, в конце концов, все равно натывается на полку, где стояла наша с Громом фотография.

До того, как я показательно выбросила ее в мусорную корзину.

Что-то подрывает меня с кресла, какая-то неведомая сила. Нежеланное чувство. Но противиться этому порыву не могу.

Подхожу к урне и...

Моргаю, тру глаза, но картина не меняется. Валяется все: неудачные рисунки, «юбки» сточенных карандашей, фантики от конфет...

На месте все, кроме фотографии!

Я же точно помню, что выбросила рамку! Не могли же у нее вырасти ножки?

Лола, наша королевична, не стала бы рыться в мусорках. Мама? Так она ни разу за столько лет даже не заставляла меня заняться уборкой, и всегда говорит, что наши комнаты – наше дело. Хоть грязью обрастите, у нее своих забот куча!

Неужели?..

Я качаю головой от абсурдности своего предположения.

Нет, это не мог быть Гром. Зачем ему наша фотография?

Но, кроме него, больше никому.

Вот только, хоть убейте, не могу поверить, что мажор втихоря вытащил ее из урны и забрал с собой! У него нет на это никаких причин.

Да даже моя версия с отросшими ножками звучит убедительнее!

Бред...

Однако фотографии нет.

Не знаю, что задумал Громов, но у него ничего не выйдет. Я больше не та наивная дурочка, влюбленная в первого красавчика школы.

Пусть идет лесом! А если заартачится, то волшебный пендель не только решит наш спорный вопрос, но и придаст ему ускорения.

Глава 14

Монотонная, привычная работа помогает справиться с волнением и хаосом в мыслях. Поэтому сегодня я работаю с таким усердием, что даже наш вечно недовольный администратор странно на меня косится. А под конец дня так вооб-

ще отпускает пораньше.

Тут уже я диву даюсь, но не спорю. Отпахала я знатно, аж ноги гудят. Так что заслуженно.

Однако домой собираюсь неторопливо. Неохотно. Долго переодеваюсь, сидя на скамейке у своего шкафчика. Аккуратно разгладив и повесив форму на вешалку, беру телефон и бездумно листаю социальные сети. Зависаю так минут на десять, не меньше.

Прихожу в себя, когда Вера, вторая официантка, заходит в раздевалку и удивленно интересуется:

– А ты чего еще здесь? Витька же отпустил пораньше.

Витька – это наш администратор. Так-то он Виктор Степанович, а за глаза для всех – «Витька» или «Цербер».

Я пожимаю плечами, мол, хз. Смотрю на часы и понимаю, что лучше свалить, а то Виктор Степанович, как беременная женщина, в любой момент может передумать.

Попрощавшись с Верой, закидываю на плечи бессменный холщовый рюкзак, и выхожу на пляж через служебный вход. В глаза тут же бросается рыжий закат, и я замедляюсь, решая прогуляться вдоль берега. Руки чешутся запечатлеть красоту и величие природы, но с собой нет ничего подходящего, даже завалявшегося тетрадного листочка с погрызенным карандашом.

Разочарованно выдохнув, усаживаюсь на горячий песок. Не раскаленный, но все еще обжигающий при первом касании. Мои волосы тут же подхватывает морской бриз и треп-

лет их за спиной. Я зажмуриваюсь и подставляю лицо под ласковое касание ветерка, размышляя о том, что, наверное, счастье – в таких вот простых моментах. Вот только люди часто бегут вперед, не замечая ничего вокруг. Тем более подобные мелочи. От того и чувствуют себя несчастными.

– Так и знал, что найду тебя здесь.

Стоит услышать знакомый голос, как все очарование момента сходит на нет. Грудь топит тревожное, давящее чувство. Даже дышать становится тяжело.

– Совсем страх потерял? – хриплю я, подобно вороне, часто зависающей на тополе напротив моего окна.

– Ты сказала, чтобы я не приближался к твоему дому. Про общественный пляж речи не было.

Взгляд вопреки воле впивается в Грома. Я ищу на его лице следы раскаяния. Хотя бы намек. Но их нет. Парень расслаблен и даже в какой-то степени доволен своей выходкой или словами.

Сегодня Олег выглядит иначе, чем вчера. Модная кудрявая завивка, благодаря усилиям опытного барбера, превратилась в андеркат. Теперь виски и затылок у Грома коротко выбриты, а оставшиеся волосы на макушке небрежно зачесаны вверх и назад.

– А все остальное ты, как обычно, пропустил мимо ушей, – подытоживаю я, с трудом отрывая взгляд от парня.

Вчерашний запал, как и злость, улетучились. Стерлись с первыми лучами солнца. И дело не в том, что я отходчивая.

Просто не умею долго злиться на кого-то.

Ненавижу копить негатив и вариться в нем каждый день. А уж тем более – мстить. Это здорово отравляет жизнь. Себе в первую очередь.

Но это не означает, что я забываю о том, какие люди бывают гадкие!

Особенно конкретные индивидуумы...

– Я все прекрасно слышал, Ника, – вдруг тихо произносит Гром, не глядя на меня. – Но не могу обещать, что буду держаться от тебя подальше. От твоего дома, от Аллы Сергеевны, от Лолы – да, пожалуйста! Но не от тебя, – Он поворачивает голову и впивается в меня таким взглядом, что внутри все сжимается.

Воздуха не хватает, несмотря на то что солнце уже зашло за горизонт и рядом с водой стало значительно прохладнее. Я дышу чаще, пытаюсь насытить легкие кислородом, но это не помогает. А внутри тем временем сжимается спираль, которая вот-вот лопнет.

– Прекрати играть в эти игры, Гром! – Я подсакиваю с места, чувствуя, как песок забивается в сандалии. – Ты совсем меня за идиотку держишь? На что ты рассчитываешь? Что немного поулыбаешься, окажешь знаки внимания, залъешь сиропа в уши, и я буду тебе в рот заглядывать, как влюбленные дурочки на ваших репетициях?

Мажор неспешно поднимается следом, отряхивает шорты от песка, выслушивая мою обличительную тираду с выраже-

нием, достойным буддийского монаха.

– Закончила? – Склоняет голову на бок и улыбается так, что хочется съездить по его фейсу, лишь бы стереть эту наглую ухмылку.

Кем я там себя считала? Не злопамятной мадам? Что ж... Бывший друг стремительно исправляет сие досадное упущение моего характера. Злость буквально топит меня с головой.

– Ничего из перечисленного я делать не собирался и не собираюсь. И ни в какие игры не играю, – серьезно заявляет он и упирает руки в бока. Но вкупе с широкой попугайской рубашкой это смотрится нелепо.

– Уверен? – саркастично тяну я. – А как же твое: *«хочу вернуть Лолу, люблю не могу, помоги, Веснушка»*, – кривляюсь, передразнивая его. – *«Не поможешь по-хорошему, расскажу матери, как я напоил тебя, а потом зажимал на выпускном, а ты позволяла»*, – вырывается горькое, и я резко замолкаю, не понимая, как так получилось, что я начинала за здоровье, а закончила за упокой.

То есть своими личными обидами и выяснением отношений.

Но я зря переживала.

Парень отвечает уклончиво, предпочитая не развивать скользкую тему выпускного:

– Я не играл, а лишь немного приукрасил действительность.

– Приукрасил? Да ты... – У меня не находится матерных слов в арсенале, чтобы описать этого гада.

– Прекрасен? Неповторим? – уже откровенно ржет Гром. Но, видя в моих глазах обещание скорой расправы, пытается съехать: – Не лопни от злости, Веснушка. Прекращай, тебе не идет. Оставь роль злобной и эгоистичной стервы своей сестренке.

Я закрываю глаза, скидываю брови и качаю головой, не веря ни ушам, ни органу зрения.

Он вообще знаком с термином «критическое мышление»?

– Возможно, Лола приобрела все эти *прекрасные* черты, встречаясь с тобой?

– Так, похоже, нам обоим необходимо остыть, прежде чем продолжать эту милую и занимательную беседу, – слащаво скалится парень.

– С меня хватит твоего общества. Даже слушать ничего не желаю! Я – домой. И только попробуй увязаться следом! – Грозно наставляю на него указательный палец.

Но мои угрозы для Грома – пустой звук. Он сам – ходячая угроза, потому что непредсказуем, как бомба замедленного действия.

Не успеваю я сделать и двух шагов, как мажор подхватывает меня и перекидывает через плечо, утаскивая в сторону спокойного моря, наблюдающего за нами все это время.

– Что ты делаешь? Отпусти немедленно! – догадываясь о

намерениях подлого создания, выкрикиваю я. И молочу по его спине кулаками. Но куда там. Мышцы у парня, как сталь.

Олег прямо на ходу стягивает с меня рюкзак и бросает его на песок. Рядом приземляется наша обувь. Не проходит и минуты, как мы оба с головой окунаемся в море. Гром – по собственной прихоти, я – по велению чужой дурости.

Прохладная вода обжигает разгоряченную за день кожу. Моментально выбивает из легких весь воздух. Повинуясь инстинкту выживания, я хаотично гребу вверх к поверхности. Но уже через секунду меня обхватывают сильные руки и вытаскивают из воды, помогая выплыть. Однако не отпускают, прижимая к горячему телу, напоминающему вулкан.

Стоит сделать полноценный вздох, как испуг и злость обрушиваются на накаченную грудь, облепленную мокрой тканью, градом ударов:

– А если бы я плавать не умела?!

– Да ты дашь фору любой профессиональной пловчихе, Веснушка, уж мне-то не рассказывай...

– Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, что творишь, дубина стоеросовая?! Или ты делаешь первое, что в голову взбредет? Эгоистичный придурок!

Я вымещаю на нем скопившееся напряжение, но вместе с тем вдруг понимаю, что с каждым ударом становится чуточку легче.

– Я решил, что нам будет полезно немного остудить головы. – Он перехватывает мои запястья и дергает их на себя,

когда я, лишившись возможности его ударить, пытаюсь выбраться из воды.

Мы с Громом стоим по пояс в воде и боремся взглядами. Точнее, он по пояс. Мне же вода доходит почти до груди. Мокрая одежда неприятно липнет к телу. Ветерок, казавшийся приятным, ласковым бризом, теперь обжигает кожу холодом, и она покрывается мурашками. Подводное течение вместе с разыгравшимися волнами пытается вернуть нас обратно под воду. И если бы не скала по имени Олег море давно бы совершило свою опасную задумку.

– Почему я? Почему ты прилип ко мне, словно банный лист?! Найди себе другую девчонку для буллинга!

– Да с чего ты взяла, что я тебя буллю и уж тем более использую? – Закатывает глаза. – Что за истерики и безосновательные обвинения?

– Безосновательные? А не прифигел ли ты часом, Олежа? – шиплю разъяренной кошкой, прекрасно зная, как его раздражает подобное коверкание имени.

Парень кривится и выдыхает, стремясь снова поймать дзен. Но, судя по поджатым губам, выходит у него плохо.

– Я искал тебя, потому что хотел предупредить. Лола не та, за кого себя выдает. Уже давно. Забудь о том, что ты о ней знала. Она изменилась, и не в лучшую сторону. Лоло и без того была не подарок, но если раньше она не умела прятать свои зубки, то теперь их заточила и умело скрывает за улыбками. Или наигранными слезами, как вчера, например.

Я прекращаю попытки выбраться из его захвата и на мгновение замираю. Во все глаза смотрю на него снизу вверх, пытаясь отыскать признаки того, что он просто пошутил. Но нет, Гром остается предельно серьезным.

С губ срывается смешок. Следом – другой. В конце концов, я начинаю хохотать.

– Что смешного? – В голосе парня прорезаются рычащие нотки.

Я не отвечаю, прислонившись к его груди, чтобы не хлебнуть морской воды во время приступа истеричного смеха.

А ведь совсем недавно я думала про него точно так же! Что он не тот, кого я знала, что он изменился и не в лучшую сторону...

Вот ведь насмешка судьбы!

Но хуже всего то, что бывший друг детства и вправду не видит за собой того же, в чем обвиняет Лолу. Носит белое пальто. Кичится им. И не замечает, что оно уже давным-давно покрыто грязью, и хвастаться там нечем.

Что ж, пора снять с самовлюбленного мажора розовые очки и показать огромное бревно, прячущееся в его собственных глазах.

Глава 15

– А может, за собой будешь следить? – отсмеявшись, огрызаюсь я. – Кому, как не мне, лучше всех знать свою близняшку? Если ты приперся сюда только ради того, чтобы сказать о том, какая Лола плохая, а ты – хороший, то можешь

проваливать. Без тебя как-нибудь разберусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.